

16+

История о жизни женщины

И среди терновника
растут *розы*

Альвера Албул

Быть женщиной –
прекрасно, но не всегда
легко

Соловова Т.Е.

Альвера Албул

И среди терновника растут розы

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Албул А.

И среди терновника растут розы / А. Албул — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-06146-0

Конец 19-ого века, мир на грани технической революции, стремительно образуется рабочий класс, и жизнь собирается поменять свой привычный ход, но английское общество еще не готово это принять и цепляется за привычные традиции. И как в этом мире жить женщине, которая не разделяет взгляды светского общества? История Глэдис Россер - история женщины, изгнанной из приличного общества, но не сломленной.

ISBN 978-5-532-06146-0

© Албул А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1. Заложники неудобного положения	6
Глава 2. Момент внутренней нежности	21
Глава 3. Побег от собственных чувств	35
Глава 4. Немой крик о помощи	46
Глава 5. Вор неукротимого сердца	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Эта книга тебе, моя вечная тихая боль

Глава 1. Заложники неудобного положения

Стояла невыносимая жара столь непривычная для этой местности, что многие девушки цепляясь за края своего сознания сопротивлялись обмороку, сидя в тени и спасаясь веером. Деревянные скамьи, на которых они сидели, стояли под кронами тяжелых старых дубов на территории богатого поместья, переполненного сегодня из-за приехавших гостей. Девушек было пятеро, все они были в роскошных, лучших своих туалетах, из светлых скромных тканей, но с достаточно привлекающими внимание вырезами, а талии их были натуго затянуты корсетами, из-за им было катастрофически недостаточно воздуха, но при этом они с видом изящных лебедей считали себя обладательницами самых тонких талий. На платьях были узоры и рюши, веера были тяжелыми, а лица их были нарочито приятными и дружелюбными, когда мимо них проходили джентльмены, так же приглашенные в поместье. Каждая из них хотела удачно выйти замуж, но верхом их мечтаний был именно хозяин данного владения, поэтому они бросали короткие взгляды из-за своих вееров в сторону парка и кустов герани, у которых стоял высокий джентльмен с ровной спиной и завораживающей улыбкой. Дамы не могли оторвать глаз от этой улыбки, словно она обладала странным магнетизмом, и у каждой из них, стоило встретиться с мужчиной глазами, замирало сердце.

– Странно то, что нас всех пригласили, но так и не назвали повода, – говорила одна из дам в тени дубов, стреляя взглядом в спину хозяина поместья, скрывая все остальное лицо веером.

На ней было светло-розовое платье, которое смотрелось на ней забавно, так как щеки ее были румяными, а волосы ярко-рыжими и завитыми в мелкий локон. Она держала спину ровнее всех остальных, а когда к ним обращался какой-либо джентльмен пыталась быть самой обворожительной.

– Я окончательно потеряю связь с реальностью, если мы на самом деле приглашены на его помолвку, – ответила другая, глаза которой были наполнены странной уверенностью и напором, и казалось, под ее взглядом, спина хозяина должна была загореться. С силой она сжимала свой веер, желая, как можно скорее попасть в обеденный зал под опала.

– Сильно сомневаюсь, что сегодня объявят о помолвке, – говорила третья девушка, которая была в зеленом платье и с болезненно бледным цветом кожи, что еще больше придавало ей нездоровый вид.

Она сложила свой веер и поправила юбку платья, оборачиваясь к другим девушкам на скамье. Вдруг они заметили, что мимо них проходят два джентльмена, имена которых они не знают, и разом, выглядывая из-за своих вееров, превратились в дам обольстительниц, стреляя глазами, улыбаясь и двигаясь как можно нежнее.

– Добрый день, дамы, – проговорили джентльмены, снимая шляпы и слегка кланяясь.

– Добрый, – ответили они почти хором, а потом заговорила девушка в розовом:

– Сегодня удивительно жаркая погода, вы не находите? – спросила она. – Под таким палящим солнцем не все смогут дождаться пиршества в обеденном зале. Боюсь, как бы кому-нибудь ни стало плохо.

– Погода сегодня действительно нас удивила, – говорил один из джентльменов, – но я считаю, переживать Вам не из-за чего. В любом случае, у мистера Мак-Дугал в поместье есть личный врач, так что даже если кому-то из дам под палящим солнцем станет дурно, ей окажут необходимую помощь.

– Мистер Уанхард продумал всё, у него есть даже личный врач, – восхитилась девушка в голубом платье, полностью показываясь из-за веера и бросая взгляд в сторону хозяина поместья.

Джентльмены переглянулись, выражая друг другу немое негодование от своего положения в обществе, ведь на фоне хозяина этой усадьбы каждый из них проигрывал.

– Да, мистер Уанхард очень беспокоится о том, чтобы всем было комфортно в его поместье, – ответил один из мужчин, – что ж, желаем Вам всем удачно провести сегодняшний вечер.

– Спасибо Вам большое, – ответила девушка в розовом, – но не знаете ли Вы случайно, по какому поводу вдруг нас всех сюда пригласили?

– Что Вы, барышня, – один из джентльменов усмехнулся, не скрыв свою брезгливость, – мистеру Уанхард пора жениться, значит, настало время выбирать невесту. Не для этого ли Вы приехали сюда? Надеетесь, что выбор падет на Вас?

Теперь лицо девушки было настолько красным, что платье на его фоне казалось белым. Не опуская веера, она бросила в мужчину гневный взгляд, но ответила крайне спокойно, пусть в голове у нее в этот момент был ураган, как и в сердце.

– Вы ошибаетесь, – говорила она, – я здесь только из-за приглашения, что получил мой отец, и из чистого любопытства, почему же мистер Уанхард решил собрать гостей.

– Ну, теперь Вы можете тешить надежду и молиться Богу, чтобы тот смиловался над Вами и сделал хозяйкой этого поместья, а нам пора.

Они откланялись и направились дальше, в то время, когда девушка в розовом платье сгорала от гнева и стыда. Она сложила веер и тяжело дышала, чувствуя, как готова сорваться, но все же, глубоко вдохнув, она лишь обратилась к девушке в голубом платье:

– Знаешь, милая моя, порой тебе стоит держать язык за зубами.

– Я всего лишь сказала то, что думаю, – ответила ей девушка.

– Нет, Хлоя, дело в другом, – она снова начала краснеть от гнева, – ты вообще не думаешь. Девушка в голубом платье громко хмыкнула и отвернулась.

Мистер Уанхард принадлежал к одному малоизвестному Шотландскому роду, но все поменялось стоило ему приехать в Англию в Вустершир и построить имение на огромной территории. Особняк был построен по плану Лондонского проектировщика. Так же в поместье были конюшня, огромный парк с кустами герани и поле, усыпанное валерианой, васильком и зверобоем. Отдельно был разбит розарий, а через реку Северн был перекинут мост, ведущий к бесконечным территориям, на которых мистер Уанхард обычно ездил верхом, когда хотелось отвлечься от дел поместья. Отец мистера Уанхард остался жить в Шотландии, как его мать, брат и две старшие сестры, одна из которых уже успела выйти замуж и обзавестись детьми.

Когда мистер Уанхард приехал в Вустершир его никто не воспринял в серьез, так как он был еще слишком юн и наивен, да и никто не мог поверить, что за пять лет на месте необжитого кусочка графства появится поместье молодого, уважаемого, привлекательного и очень богатого приезжего из Шотландии мужчины. Теперь же каждая мечтала стать здесь хозяйкой, прожигая мистера Уанхард голодным и хищным взглядом.

– Все эти пять дам, похоже, без ума от Вас, – усмехнулся мужчина, стоя у куста герани и глядя на хозяина поместья.

– Не от меня, мистер Мак-Дугал, – ответил мистер Уанхард, – а от моего дохода.

– Каждая мечтает о том, что сегодня на вечернем балу Вы выберете именно ее, – говорил мужчина.

– Вы хотите поговорить об этом? – спросил мистер Уанхард, разворачиваясь так, чтобы пяти девушкам на скамейке не было ничего видно кроме его спины и затылка.

Мужчина сдержанно засмеялся.

– Вам смешно? – удивленно спросил мистер Уанхард.

– Простите, сер, просто очень смешно наблюдать, как они съедают Вас взглядом, а Вы пытаетесь встать так, чтоб у них этого не получалось сделать.

– Они такие глупые, – мистер Уанхард покачал головой, а потом перевел взгляд на собеседника, – сегодня слишком жарко, достаточно прогулок, нужно всех созывать внутрь.

– Я думаю, все будут рады спрятаться от солнца, – мистер Мак-Дугал согласно кивнул.

Мистер Мак-Дугал был старше мистера Уанхард на много лет, волосы его уже начали сидеть, а лицо было осыпано мелкими морщинами, сам он уже перестал быть привлекательным для женщин, но оказался замечательным другом, поэтому они с мистером Уанхард стали достаточно близко общаться после того как познакомились во время постройки поместья.

Мистер Уанхард коротко кивнул, и они направились в сторону усадьбы, зная, что все сами пойдут за ними в след.

Пять девушек, что до этого сидели на скамье, моментально поднялись и, сдерживая улыбки и скрывая это веерами, направились вместе со всеми к стенам поместья.

Стены особняка мистера Уанхард были выполнены из светлого камня, открывая свои стеклянные окна на огромные территории, по которым где-то в дали неслись лошади. Горячий летний ветер качал макушки деревьев, разнося запах цветов из сада и розария.

Мистер Уанхард дошёл до самых дверей усадьбы и обернулся к следующим за ним гостям.

– Знаете, мистер Мак-Дугал, а ведь они, – он бросил взгляд на пятерых дам, что спешили с остальными скорее проникнуть в дом самого мистера Уанхард, – даже не знают на что хотят подписаться.

– Бросьте это, Энтин, – ответил ему мужчина, раскрывая перед ним дверь и сдерживая улыбку, – они знают, что брак с Вами это в первую очередь хорошие деньги, красивая жизнь и уважаемый всеми муж.

– Вы правы, мистер Мак-Дугал, – хозяин поместья улыбнулся, смотря на приглашенных дам.

Они прошли внутрь, скрывшись от палящих солнечных лучей, и оказались в огромном холле с холодным каменным полом и высокими сводными потолками. Наверх вела широкая лестница, перила которой были сделаны из тяжёлого тёмного дерева. С потолка смотрела тяжёлая люстра с хрустальными каплями и подтаявшими свечами, а в разные стороны поместья вели коридоры.

Мистер Уанхард и мистер Мак-Дугал направились вверх по лестнице, где у стены стояла фигура девушки с виноградными гроздьями в руках и тазом полным винограда у ног. Она смотрела куда-то мимо печальным взглядом серых каменных глаз. А по разные стороны от неё стояли две деревянные колонны такие же, как и перила лестницы. За ними разговаривая между собой поднимались и гости, на самой верхней ступени, мистер Уанхард развернулся и все же решил обратиться к ним. Все моментально замерли, слушая каждое его слово, в надежде не пропустить самые важные слова о том, что именно она, именно эта девушка, приглянулась ему.

– Добрый день, леди и джентльмены! Я рад, что вы все приняли приглашение и приехали в моё поместье! Все вы знаете, что мой отец, уважаемый в Шотландии Алистер Дуглас Уанхард, дал мне совет жениться, дабы я окончательно осел в этих краях и не разгулял все свои деньги, так как буду под контролем своей жены и хозяйки этого поместья, под присмотром миссис Уанхард.

Слова мужчины все воспринимали с таким восторгом и трепетом, что толпа гостей вне своей воли шелестела как осенняя листва. Девушки даже забыли про свои веера, практически с открытыми ртами глядя на мужчину и шепча друг другу, как он прекрасен.

– Как же он прекрасен! – почти пищала от восторга девушка в голубом платье, глядя на мистера Уанхард как на что-то богоподобное.

– Я хочу выбрать одну сегодня вечером, ту, – мужчина смотрел на гостей, – наверное, это не совсем правильно и честно...

– Нет, что Вы!?! Мистер Уанхард, это вполне честно! Мы все здесь, и Вы можете выбрать любую! – вышла вперёд всех девушка в розовом платье, волосы её, рыжие, скрученные в спираль, подпрыгивали от любого её движения, а щеки её горели пламенем от восхищения, которое она испытывала, глядя мистеру Уанхард в лицо.

– Спасибо, конечно, мисс, – мужчина сглотнул, – но я не хочу устраивать конкурс на место дамы моего сердца...

– Зачем же тогда все это? – вдруг послышался голос, женский, приятный и, казалось, он совершенно не похож на голоса всех тех, кого мистер Уанхард встречал до этого.

За тонкой фигурой захлопнулась дверь поместья, и она сложила веер, заглядывая мужчине в лицо.

Она была особенной, и это поняли все, кто в этот момент смотрел на неё. И тот, кого считали богоподобным, в растерянности не мог найти слов.

Она не была высокой или обладательницей самой тонкой талии в графстве, её платье не могло стоить столько же сколько и костюм мистера Уанхард, и присутствовала она в компании своего престарелого слуги, согнутого горбом, которому протянула свою снятую шляпу и кружевные перчатки. Но она была особенной. Её взгляд глубоких зелёных глаз скользил по присутствующим со скукой и холодом, а маленький аккуратный нос был поднят выше, чем у остальных приглашенных дам. Она смотрела на мистера Уанхард с вызовом, а не с обожанием, со скептицизмом, а не с огромной слепой любовью. Она вышла вперед всех и снова обратилась к нему.

– Мистер Уанхард, – она качнула своими густыми чёрными волосами и снова глянула на мужчину, – я жду ответа.

Мужчина почувствовал себя юношей взятым врасплох и совершенно не знал, как на это реагировать. Внутри него все замерло. Все в нем благоговело от образа гостя, и одновременно он чувствовал, как воспаляется его затронутое самолюбие. Ему было сложно поверить, что пришедшая девушка смогла выбить его из колеи, выставив перед всеми мальчишкой, замершим в исступление перед женской красотой.

– Всё это воля отца мистера Уанхард, – взял инициативу в свои руки мистер Мак-Дугал, – ладно, ни к чему больше слов, все приглашаются в обеденный зал, а позже будет бал!

Люди довольные вестями направились наверх, а мистер Уанхард пытался взять себя в руки и вернуть ясность своим мыслям.

Гостя лишь улыбнулась своим мыслям о том, что самого мистера Уанхард она заставила трепетать. Барышням не понравилась девушка, поэтому они, раскрыв веера, тихо фыркали от возмущения были похожи на разгневанных птиц. В душе дамы в розовом платье, казалось, случился переворот, и она сдерживала себя лишь бы не начать говорить гадости. В голове ее уже возникло множество ядовитых фраз и о ее туалете, и о ее слуге, и о том, что она явилась совершенно одна, как не подобает вести себя юной особе, если она приехала в поместье и желает быть выбрана в невесты. Но что-то при этом подсказывало девушке, что даже если она не удержит свой язык и попытается ужалить гостью, та это просто не заметит, и это еще больше возмущало.

– Вы поставили мистера Уанхард в неудобное положение, – заговорила все-таки одна из девушек, опустив веер и глядя гостье прямо в лицо выражая на нем все свое неудовольствие от ее визита. На ней было зеленое платье в белую вертикальную полоску с множеством рюш и с огромным бантом на спине, а веер был намного скромнее чем у ее подруг.

– Простите меня, мисс, я не преследовала такой цели, – ответила девушка, поднимаясь вверх по лестнице, подхватив юбки своего платья. А ее слуга, тихо кряхтя от трудности подъема по лестнице из-за своего горба, следовал за ней, сжимая в коротких и неровных пальцах шляпку с сиреневыми лентами.

– Мне кажется, что мистер Уанхард решил устроить сегодняшний бал основываясь лишь на желании подчиниться воле отца, не более, – снова говорила девушка в зеленом платье.

– Пусть будет так, – последовал ответ, и девушка слегка кивнула, – я хотела лишь узнать, почему выбор невесты нужно было проводить именно так.

– Ничего Вы не понимаете, раз у Вас возникает такой вопрос, – заговорила девушка в розовом платье, щеки которой от негодования горели красным, закрыв веер, – где и когда приглядываться к девушкам как ни во время бала?

– Тогда да, я определенно чего-то не понимаю, – ответила гостья, отводя взгляд и сдерживая в нем хоть намек на испытываемое неудобство от близости к этим девушкам.

– Мне было бы интересно узнать, как Вас зовут, мисс, – заговорила снова девушка в зеленом платье, – откуда Вы?

Они поднялись по лестнице, обогнули темную деревянную колонну и направились по освещенному солнечным светом через высокие окна коридору к обеденному залу.

– Меня зовут Глэдис Россер, – ответила гостья, чуть щурясь от ярких солнечных лучей, что падали на её светлую кожу через тонкие светлые занавески, завязанные ленточками, – я из Лондона.

– Из Лондона? – переспросила рыжая девушка в розовом платье, явно выражая свое недоверие. – Неужели?

– Да, это чистая правда, а можно ли узнать Ваши имена?

– Меня зовут Присцила Вуд, – заговорила девушка в розовом платье, вскинув головой и сделав вид, словно мисс Россер знакомится сейчас с самой королевой.

– Скромности ей не занимать, – тихо где-то сзади послышался голос девушки в голубом платье.

– Замолчи, Хлоя, я все слышу, – резко оборвала ее девушка в розовом, снова раскрыв свой веер.

– Меня зовут Хлоя О’Брайан, и я из Девоншира, приехала сюда, потому что отец получил письмо о том, что мистер Уанхард ищет невесту, официально я не была приглашена, но отец решил приехать и меня взял с собой, а Вы? Вы были приглашены? – девушка в голубом платье обошла Присцилу и глянула мисс Россер в лицо.

– Да, я была приглашена, – ответила она, – не знаю только, есть ли какой-то смысл от моего приезда сюда. Мистер Уанхард кажется не более чем просто симпатичным мужчиной с огромным наследством...

– А не в этом ли смысл? – перебила ее девушка в зеленом платье. – Любая бы хотела замуж за...

– Значит, я не любая, а сейчас, – мисс Россер говорила холодно и отрешенно, – я хотела бы закончить наш с Вами разговор.

И она, подхватив юбки платья, обошла идущих впереди и оказалась у самых дверей в обеденный зал, чуть не столкнувшись с мистером Мак-Дугал, который в тот момент остановился чтобы обратиться к гостям. Заметив девушку, он слабо улыбнулся, качнув ей головой в виде приветствия, словно выделив ее среди всех гостей, и обратился к собравшимся.

– Дорогие гости, проходите, рассаживайтесь так как Вам будет удобно, – говорил он, а затем вошел в зал, завлекая внутрь мисс Россер, а слуга ее направился в специальное для слуг помещение.

Они шли впереди всех, наблюдая как мистер Уанхард стоит у своего места, ожидая, когда все пройдут внутрь и рассядутся. Совершенно того не желая, мисс Россер оказалась по правую сторону от мистера Уанхард, так как мистер Мак-Дугал стал помогать девушкам занять места, и единственным свободным осталось самое ближнее к мистеру Уанхард. Он делал вид, словно не замечает ее, порой бросая на нее короткий косой взгляд. Мисс Вуд и остальные дамы пристально наблюдали за каждым движением мужчины, их бесило, что самое завидное место занимала неизвестная, являющаяся полной противоположностью им, девушка. Она сидела с идеально ровной спиной, совершенно не замечая мистера Уанхард, словно забыла у кого в поместье она в гостях, периодически вступая в короткие беседы о сегодняшней удивительной жаре. Ела она аккуратно, мало и медленно, словно птичка. Ее лицо было худым, с выражен-

ными скулами, со светлой тонкой кожей, для которой солнце казалось ядом или кислотой. Глаза ее были глубокими, зелеными с небольшими вкраплениями золотистого цвета, а волосы прямыми, тяжелыми, черными, убранными в прическу на затылке и закрепленными аккуратным гребнем с фиолетовыми фианитами. Платье на ней было без глубокого выреза, чем она вызывала больше интерес у мужчин чем другие дамы, так как грудь мисс Россер практически не было видно, лишь короткую складочку кожи и небольшую родинку на ней, которая как магнит привлекала взгляды мужчин. Цвет платья был светло-сиреневый с розовыми цветами с зелеными листьями по подолу. И она словно кукла сидела рядом с мистером Уанхард, который, как и все остальные мужчины пытались понять, глядя на нее, чем она столь привлекательна. Нос, кончик которого был чуточку поднят, на переносице имел небольшую горбинку, которая столько лет сводила с ума мисс Россер, но которая ни капли не портила ее вид, а, возможно, даже наоборот делала ее образ более естественным и простым. Губы ее были в красной помаде, которая заставляла ее чувственные полные губы быть еще более возбуждающими. А брови, черные, как и сами волосы, изгибались над глазами, открывая этот сильный и независимый взгляд, который одновременно притягивал мужчин и одновременно заставлял их оставаться на расстоянии. Весь образ мисс Россер заставлял мужчин робеть, стоило ей к ним обратиться.

За столом развязалась приятная беседа, и мисс Россер поверхностно в ней участвовала. Стол был расположен вдоль зала, оставляя место для танцев. Зал был светлым и большим, с деревянными колонными по периметру и женским гипсовым лицом на стене над камином, который должен был греть эту комнату в холодный зимний вечер. Одно из окон было открыто, поэтому летний ветер развивал одну из легких занавесок, а над столом поспешили закружиться мухи, желающие отведать яств, которыми был заставлен стол.

Разливалось вино, но мисс Россер от него отказалась, сославшись на то, что ей не хотелось бы пить в середине дня, и, если она решит пригубить, это будет ближе к вечернему балу. Слуга, послушно кивнув, обошел девушку и налил мистеру Уанхард.

– Простите, мисс, но не думаю, что один бокал мог бы помешать, – заговорил он, обращаясь к девушке, и явно испытывая неловкость.

– Я Вас прощаю, мистер Уанхард, – отвечала она ему, – но я не предпочитаю начинать день со спиртного.

– А с чего Вам нравится начинать день? – спросил мужчина, отпивая из бокала вина. Оно было красное как рубин и прозрачным, и мисс Россер чувствовала, как от него пахнет вишней, черной смородиной и виноградом сорта Изабелла.

– С легкого завтрака, мистер Уанхард, – ответила девушка.

– Простите меня за бестактность, но я не знаю Вашего имени, – мужчина боялся смотреть ей в лицо, он мог себя побороть, но заглянуть ей в глаза ему все равно не хватало смелости, поэтому он концентрировал свой взгляд иногда на ее бровях, иногда на кончике носа, но у него не было сил заставить себя заглянуть в ее зеленую бездну.

– Я понимаю, мистер Уанхард, – она кивнула, – Вам предстоит сегодня запомнить столько имен, что думаю, мое в этом списке будет лишним. Не стоит заполнять голову лишней информацией.

– Вы считаете, что Ваше имя для меня лишняя информация? – мистер Уанхард позволил себе слабую улыбку и посмотреть ей между бровей.

– Я не претендую на место Вашей невесты, оттого и имя мое не столь важно, – ответила мисс Россер.

Она пила воду и ела запеченные овощи, иногда уводя взгляд с хозяина поместья и оглядывая других приглашенных дам, которые смотрели на нее с таким гневом и ненавистью, что, если бы могла, мисс Россер сгорела бы на месте.

Мистер Уанхард был теперь в полной растерянности и смотрел на мисс Россер, совершенно не понимая, что ему необходимо сказать. Он так отчаялся в поиске подходящих слов

в своей голове, что все же позволил себе заглянуть в самую глубину ее глаз. И в этот момент он так сильно пожалел об этом, что сердце его свела жгучая боль. Только сейчас он понял всю суть ситуации и от этого стало так обидно, что захотелось прямо сейчас закончить сей обед и выгнать всех из гостей, сесть где-то в одной из комнат и выпить все спиртное в поместье, да и в графстве.

Девушка, которая так привлекла его, которая сейчас заставляет его робеть и теряться в словах, только что сказала, что не испытывает ничего, и что он ей совершенно не интересен. Ни он, ни его деньги не нужны ей.

– Я все равно хочу знать Ваше имя, мисс, – ответил ей мистер Уанхард.

– Меня зовут Глэдис Россер, – ответила ему девушка.

– Мне очень приятно, мисс Россер, – мужчина кратко кивнул ей в знак знакомства, – меня зовут Энтин Уанхард.

– Я знаю, как Вас зовут, – ответила мисс Россер, – от Вашего имени мне пришло приглашение.

– Я удивлен, что Вы приехали, учитывая, что Вы не заинтересованы во мне как в женихе, – ответил ей мистер Уанхард.

Девушка бросила на мужчину короткий взгляд и была готова рассмеяться, ведь слова мужчины заставили ее растеряться, и она не знала, что на это стоило бы ответить.

– Я приехала сюда из чистого любопытства, не более, – ответила ему мисс Россер.

– Поэтому Вы сидите ко мне ближе всех? – снова спросил мистер Уанхард.

– Это была удивительная случайность, хотелось просто оторваться от неприятных мне собеседников, – ответила девушка, бросив короткий взгляд на мисс Вуд, которая с воодушевлением что-то рассказывала рядом сидящей девушке в зеленом платье, которая так и не представилась мисс Россер.

– Эти дамы? – ее взгляд заметил мистер Уанхард.

– Эти дамы, – согласно кивнула мисс Россер, переводя взгляд на мужчину.

Теперь он чувствовал себя увереннее, пусть его самолюбие было очень сильно ранено. Сейчас, зная, что девушка не заинтересована в нем как в женихе, он не боялся упасть перед ней в грязь лицом, так как для нее его фиаско не сыграло бы никакой роли, оттого он мог вести себя чуточку раскованнее, насколько позволял этикет, но снова заглянуть ей в глаза он не решался. Для него это казалось добровольным прыжком в омут.

– Я видел, как они щебетали во дворе на скамье под дубом, – говорил мистер Уанхард, перебирая еду в тарелке вилкой, явно больше не испытывая голода, – в отличие от Вас, мисс Россер, они всё ждут, когда мой выбор падет на одну из них.

– Они находят Вас очень привлекательным мужчиной, мистер Уанхард, – отвечала девушка, не смотря в их сторону, а пытаясь думать о еде и своей воде, тщательно пережевывая, чтобы ни у кого не возникло мнения, что она, сидя за столом, в приоритет ставит именно беседу с хозяином поместья.

– Они как открытые книги, – ответил мужчина, – я вижу их мысли у них на лице.

– Тогда Вы видите на их лицах, что они уже чтут себя хозяйками Вашего двора, – говорила мисс Россер, – уже носят дорогие одежды и спят в Ваших шикарных покоях. Мистер Уанхард, неужели Вам нужна хоть одна из них?

– Что Вы, мисс Россер!?! – мужчина бросил на нее короткий взгляд, а потом, промокнув губы салфеткой, очень тихо заговорил. – Я в жизни не видел более глупых созданий, чем эти девушки, и мне, честно говоря, было бы очень стыдно назвать одну из них своей женой. Да и очень большое значение они придают сегодняшнему балу!

Мисс Россер молча смотрела на него в ожидании продолжения его слов, но он замолчал, и она так же тихо заговорила сама:

– А как иначе? Они считают, что именно сегодня Вы назовете имя своей избранницы!

– Что за глупости, мисс Россер? – мистер Уанхард усмехнулся, бросая на нее взгляд. – Хотя, простите меня за мои слова, ведь это не Ваше мнение. Эти глупышки заблуждаются, я не объявлю свою невесту сегодня, хотя бы потому, что для подобного решения нужно время.

– Слава Богам, мистер Уанхард, Вы оказались благоразумнее, чем я ожидала, – девушка с облегчением вздохнула и отпила воды.

Мистер Уанхард бросил на нее короткий взгляд и продолжил есть, понимая, что эта тема исчерпала себя, а про что еще можно поговорить с девушкой он не знал. Он усердно пережевывал тушеную резаную куриную грудку и думал о том, как снова обратиться к мисс Россер и что у нее спросить. Словно не понимая, каким мукам подвергается мозг мужчины, девушка сама не спешила начать разговор, вступая в беседы с близ сидящими людьми. Они разговаривали о блюдах на столе, о их мастерском приготовлении, и какой же талантливый повар работает в поместье мистера Уанхард. Те, кто пробовал вино, были в восторге, и все очень хотели узнать, откуда в поместье такой прекрасный напиток. Сам мистер Уанхард отвечал неохотно и коротко, сообщая, что вино было привезено специально из Франции, всё это время думая о том, что спросить у мисс Россер, чтобы снова завязать разговор, но все же в голову ему пришло ухватиться за ниточку про спиртное.

– Как все хвалят это вино, мисс Россер, – заговорил он, – неужели Вы не жалеете, что Вы его так и не попробовали?

– Неужели у Вас нет ничего, чем Вы могли бы удивить нас вечером на балу? – спросила девушка, бросая на мужчину взгляд.

– Скажите, чем бы я мог Вас удивить, и это подадут к столу на балу, – ответил мистер Уанхард, и девушка не смогла сдержать улыбки, глядя мужчине прямо в лицо, но видя, как он робеет, когда смотрит ей в глаза, она не стала заглядывать ему в душу, поверхностно пробежав взглядом по ресницам.

– Существует ли на свете что-то, чем меня еще можно было бы удивить, – проговорила мисс Россер.

– Я подам к столу шампанское, какое Вы не пробовали никогда в жизни, – ответил с пылом мужчина, и мисс Россер растерянно глянула ему в глаза.

– Хорошо, – только и смогла ответить она, и он, удовлетворенно кивнув, продолжил свой обед.

Сама мисс Россер была удивлена столь открытым и явным интересом хозяина поместья, но в какой-то степени она понимала, что он не воспринимает ее более серьезно, чем тех дам, которых называл глупышками. Она попыталась не оценивать поведение мистера Уанхард и не думать о бале и пообещанном шампанском, так как была совершенно уверена в том, что он вряд ли сможет ее удивить, или вызвать в ее сердце хоть какие-то движения. Она отложила вилку и теперь только разговаривала с гостями, иногда пила свою воду и совершенно не обращала внимания на мистера Уанхард, который продолжал думать о том, как снова привлечь ее внимание. Он тоже больше не хотел есть. Отложив вилку, он отогнал пару мух от тарелки с фруктами и посмотрел в сторону окон. Голубая занавеска как парус развивалась на ветру, а прохладный ветер врвался в комнату, давая возможность гостям дышать свежим воздухом.

Его внимание быстро привлекла пожилая гостья, которая была бабушкой одной из приглашенных девушек, которые хотели стать избранницей мистера Уанхард.

– Мистер Уанхард, будьте так добры, скажите нам, что за миледи сидит рядом с Вами? Вы так любезно общаетесь с ней. Наверное, это кто-то из Ваших родственников?

Женщина была в темном тяжелом платье, с трясущимися руками, глаза были красными и опухшими словно после постоянных длительных слез, и на мир она смотрела через вуаль небольшой шляпки на голове. Смотрела она на мистера Уанхард с интересом, даже граничащим с любопытством, и со странным теплом, как на собственного внука.

– Это мисс Россер, она одна из приглашенных, – ответил ей мужчина.

Женщина понимающе, но как-то разочаровано и огорченно закивала, а потом заговорила:

– Но почему она сидит так близко к Вам, в то время, когда все остальные девушки сидят почти в конце стола?

– Сам не знаю, миссис, – отвечал мистер Уанхард, – мой хороший друг мистер Мак-Дугал попросил всех рассаживаться так, как им будет удобно, значит, моим гостям удобно сидеть именно так.

– Если бы мы знали, что сесть к Вам, мистер Уанхард, можно было так близко, моя внучка могла бы сесть рядом с Вами, – с легкой обидой в голосе говорила женщина.

– Могла бы, – мужчина кивнул ей в ответ, и это всё, что он мог ей сказать, так как совершенно не понимал этой странной борьбы за место.

Среди толпы приехавших девушек мистер Уанхард не видел никого, кто мог бы привлечь его внимание, и даже если бы рядом села какая-нибудь другая девушка, он не стал бы с ней так заинтересованно общаться, глядя лишь на мисс Россер, которая сидела бы в конце стола.

– Моя внучка мисс Вуд, Вы видели ее? – спросила снова женщина.

– Это та прелестная леди в розовом платье? – спросил мистер Уанхард, и женщина смущенно улыбнулась, а на ее морщинистых щеках даже проявился румянец.

– Да, это именно она! Моя любимая Присцила Вуд! – с восторгом заговорила женщина, счастливо улыбаясь, но при этом стягивая губы, чтобы не было видно почерневших, испорченных годами жизни зубов. – Скажите же, мистер Уанхард, что она самая прекрасная девушка в этом зале!?

Мужчина улыбнулся женщине, но промолчал, ведь именно рядом с ним сидела та, что своим видом была способна затмить сразу всех дам в зале.

– Здесь столько прекрасных девушек, миссис Вуд, что у меня аж глаза разбегаются, – говорил мужчина.

– Ну а кто на Ваш взгляд здесь всех милее? – не отставала пожилая женщина, желая услышать имя своей внучки.

– Мне еще сложно сказать наверняка, так как у меня еще не было возможности общения со всеми приглашенными девушками, – ответил ей мистер Уанхард.

– Конечно-конечно, – женщина понимающе закивала, – во время бала, когда Вы станцуете с ней, Вы поймете, что она здесь определенно милее всех.

Мистер Уанхард лишь смог кивнуть ей и поднять бокал, пользуясь моментом и поводом, чтобы сказать тост.

– За милых дам!

В ответ хором гости ответили: «За милых дам!», – и мистер Уанхард опустошил свой бокал, как и все сидящие за столом.

К закату, когда гости поместья занимались своими делами, готовясь одновременно к балу, воздух стал значительно прохладнее, но окна никто не спешил закрывать, позволяя комнатам наполняться запахом цветущих роз. Для мистера Уанхард этот запах был столь привычен, что потерял для мужчины значение, но сегодня он все равно не спешил закрыть окно небольшого зала, в котором находился. Он стоял у камина, вертя в своих длинных тонких пальцах портсигар, на котором был изображен орёл. Мужчина был один и ему это нравилось, так как ничто не отвлекало его от мыслей о новой знакомой. От открытого окна доносился звук мух, что изучали белую деревянную поверхность подоконника, потирая свои передние лапки. Мисс Россер в то время так же стояла у раскрытого окна выделенной ей спальни, любуясь красными, розовыми и белыми идеальными кустами роз. Над ними были видны мельтешащие чёрные точки – опыляющие розы пчелы. Голова мисс Россер устала от причёски, потому она распустила волосы, а по её белому лицу словно шрамы расползлись красные полосы от лучей умирающего солнца, которые заставили глаза девушки гореть подобно изумрудам.

Девушка обернулась, бросив взгляд на свои вещи. Пять платьев на выбор лежали перед ней на широкой постели с лёгким прозрачным балдахином, и она должна была решить, какое из них она наденет на бал.

В тени комнаты, из самого угла, за ней наблюдали карие глаза из-под тяжёлых век и разросшихся бровей. Он был в тёмных одеяниях и с поясом из тонкой веревки, на голове у него была небольшая проплешина, а кисти его были тонкими, с сухой кожей и неровными пальцами с черными ногтями. Спина его изогнулась под весом горба, и всем своим видом он внушал отвращение и ужас.

– Мисс, – голос его был сип и неприятен, – другие миледи уже, должно быть, собрались в зале, а Вы ещё не определились с нарядом.

– Пусть так, – мисс Россер кратко кивнула, – но я знаю себе цену, я не стану бежать на этот бал так, словно знакомство с мистером Уанхард имеет для меня хоть какое-то значение.

– Я видел, как он смотрит на Вас...

– На меня так смотрят многие, – ответила девушка и прошла ближе к постели, глядя на ткань платьев.

– У Вас есть все шансы стать здесь хозяйкой, – её слуга улыбнулся, оголяя гнилые чёрные зубы.

– Мне это не нужно, Сид, самое главное, чтобы, когда я уехала отсюда, ни один человек не посмел приравнять меня к этим дурочкам, что жаждут его расположения! Я уже жалею, что приехала сюда!

Мисс Россер тяжело вздохнула и наугад взяла первое же платье с постели. Это оказалось вечернее платье с глубоким вырезом, рукавами «фонариками», белыми рюшами по всей юбке и лифе, из тонкой, но прочной золотистой ткани.

– Как жаль, Сид, что отец отравил именно тебя со мной, – мисс Россер положила платье обратно, – как сильно мне нужна сейчас помощь моей камеристки, но и ты можешь мне помочь.

– Всё для Вас, хозяйка. Что мне сделать? – он медленно и пошатываясь вышел к ней из тени комнаты.

– Найди мне прислугу в этом поместье, которая будет рада за отдельную плату помочь мне подготовиться к балу, – ответила мисс Россер, и мужчина, послушно закивав, направился из комнаты.

В зале в танце уже кружили пары, когда мисс Россер в светлом кружевном платье наконец-то явилась на бал. Ее абсолютно не радовал факт присутствия там, так как стоило ей появиться под светом огромных люстр, свисавших с высоких потолков, как все внимание было приковано к ней. Конечно, как и подобает благовоспитанным джентльменам, никто не замер в исступлении перед ее ангельским обликом, но она прекрасно понимала, что все сейчас думают о ней, а порой она замечала пристальные заинтересованные взгляды мужчин.

Она прошла к столу с закусками, осматривая вскрытые бутылки с шампанским, и улыбнулась мысли о том, что мистер Уанхард не смог удивить её снова. К её приходу гости уже отведали угощений хозяина поместья, и среди них её не было. Где сам мистер Уанхард, она не знала, и в зале среди сверкающих платьев и тяжёлых вееров она его не видела. Играла музыка, вечерний вальс, через открытые окна поступал запах роз, но его практически невозможно было ощутить через облако запаха духов гостей, брызг шампанского на скатерти и недоеденных блюд. На стенах висели картины, среди которых мисс Россер увидела и портрет во весь рост мистера Уанхард. Он стоял на деревянном полу, одной ногой на мраморной ступени, на его плечо была накинута странная красная мантия, а взгляд был совсем юным.

Мисс Россер взяла небольшой кусочек хлеба с рыбой и повернулась к танцующим, ловя себя на том, что ей здесь определённо скучно, но она передумала, заметив пять уже знакомых ей девушек.

Они стояли по другую сторону зала, сияя как ночные звёзды от мысли, что очень скоро одна из них станет миссис Уанхард. Рыжая девушка сейчас была в зеленом шуршащем платье с розовой вышивкой по подолу, а волосы её были слишком сильно стянуты на затылке, от того она выглядела еще более ужасно чем обычно. Розовые щеки горели от возбуждения, лицо было ярко накрашено, а ее подруги, раскрыв веера, пытались скрыть свои ликующие лица. Они все смотрели в сторону человека, которого мисс Россер было не видно из-за толпы гостей, ко всему в зале было столько огней, что все образы сливались в одну разноцветную кашу, но девушка понимала, там стоит мистер Уанхард, и, сама, не зная зачем, она направилась в ту сторону.

Обходя гостей и здороваясь с каждым, кто проявлял интерес к ее персоне, она все же увидела среди людей мистера Мак-Дугал, а рядом с ним очень привлекательную девушку в роскошном розово-золотом платье. Волосы были ее светлыми и густыми, волнами, спускающимися по левому плечу и скрепленными на затылке заколкой. Красота ее ударила мисс Россер по глазам, и она почувствовала очень странное режущее чувство внутри, а затем ее ослепил очень странный, совершенно ей незнакомый коктейль чувств. Во-первых, она ощутила страстное желание узнать имя новой гостьи, а, во-вторых, кем она приходится мистеру Уанхард, хотя второе автоматически вытекало из первого, но самым главным оставалось то, что теперь всё внимание с личности мисс Россер перешло на девушку в золотом, и это было по самолюбию и заставляло всё внутри трястись от гнева.

Мисс Россер было сложно это признать, и она пыталась придумать множество причин, почему вдруг мужчины перестали смотреть на нее так пристально, но эта незнакомая девушка казалась ей в сотню раз привлекательнее, а платье ее демонстрировало ее достаточно высокий уровень жизни. В этот момент мисс Россер даже задумалась о том, что, возможно, эта девушка приехала сюда с кем-то из семьи и со своей камеристкой, в то время, когда сама мисс Россер приехала сюда со слугой, который был даже плохо похож на человека, если, конечно, этот человек не является чьим-то страшным сном.

Мистер Мак-Дугал сразу заметил заинтересованный взгляд девушки решил заговорить с ней.

– Добрый вечер, мисс, – он улыбнулся, – я заметил, что Вы вызвали особый интерес у мистера Уанхард, можно ли узнать Ваше имя?

– Меня зовут Глэдис Россер, – ответила девушка в надежде, что ей представят самую красивую девушку в зале.

– Мне очень приятно с Вами познакомиться, мисс Россер, – он поклонился, а девушка в ответ сделала реверанс, – я друг мистера Уанхард – Дентон Мак-Дугал, а эта прекрасная леди – Иридия Уанхард.

– Мистер Мак-Дугал, действительно, мой брат уже готов обозначить выбор? – заговорила девушка в золотом платье, и мисс Россер почувствовала удивительное облегчение, зная, что прямых конкуренток у нее нет. Пусть сердце мистера Уанхард не было для нее целью и ехала она в это поместье не желая знать, что именно она приглянулась на роль его жены, ей сильно льстило видеть, как мужчина робеет в ее присутствии.

– Я разговаривала с Вашим братом, мисс Уанхард, – заговорила девушка, – и он сообщил мне, что сегодня он не будет делать выбор – ему нужно время.

– Я понимаю его, дела сердечные не любят спешки, но, если он выберет Вас, я должна буду признать, что у меня появится очень красивая сестра, – и мисс Уанхард улыбнулась.

Мисс Россер улыбнулась в ответ:

– Спасибо Вам большое, но не думаю, что я вызвала у Вашего брата романтический интерес, мы общались не более чем просто хорошие знакомые.

– И всё же, мисс, я ставлю на Вас, – и мистер Мак-Дугал подмигнул.

С этого момента для мисс Россер новая знакомая казалась такой же красивой, но не вызвала отрицательных эмоций, точнее вызвала, но не столь яркие. В зале все так же смотрели

на нее, совершенно забыв о том, что не так давно поедали взглядами мисс Россер, что несомненно било девушку по самолюбию. Какого это быть центром мужского внимания, а через секунду занимать второе место, будучи полностью обделенной голодными взглядами? Мисс Россер лишь оставалось страдать внутри души, показывая собеседникам счастливую улыбку, ведь никто в зале не должен был узнать, как сильно у мисс Россер горит душа от мысли, что в зале по красоте она вторая, а значит совсем рядом с мисс Вуд и ее подругами.

– А Вы не знаете, где мистер Уанхард? Он обещал мне шампанское, какое я никогда не пробовала в жизни! – вспомнила мисс Россер, чтобы продолжить разговор.

– Именно, мисс, – мистер Мак-Дугал согласно кивнул, – мы ждали Вас, так как это шампанское было приготовлено из всех запасов именно для Вас, но прошло столько времени, что мистер Уанхард решил, что Вы уже не явитесь, и, возможно, сейчас он где-то в одиночестве.

– Мистер Мак-Дугал, – мисс Россер почувствовала себя очень неудобно, – мне так жаль, что из-за меня мистер Уанхард... Он сильно переживал?

– Мы не знаем, мисс Россер, – ответила мисс Уанхард, – не переживайте, мой брат всегда был очень эмоционален, но я думаю, он не будет держать на Вас зла, зная, что пришли и помните о шаманском. По всей вероятности, он очень сильно хотел Вас удивить!

– Я чувствую себя виноватой, – говорила мисс Россер, чувствуя, как внутри нее гнев смеется горечью, – мне бы его найти.

– Не стоит ходить по поместью в поисках, он может быть где угодно, – ответил мистер Мак-Дугал.

– Да, мой брат в этом плане определённо непредсказуем, – согласилась мисс Уанхард.

Мисс Россер понимающе закивала в ответ, а потом перевела взгляд в сторону, откуда чувствовала на себе тяжелые взгляды. Мисс Вуд и ее подруги стояли у стены и с каменными лицами смотрели на девушку, сложив свои веера и выражая во всем своей взгляде жгучую ненависть.

– Мне бы все равно его найти, – продолжила говорить мисс Россер, ясно осознавая, что помимо чувства вины внутри нее растет странное чувство признательности, – своим опозданием я расстроила его и сорвала сюрприз. Мисс Уанхард, как его сестра, Вы могли бы предположить, где он?

– Я могу предположить, что он в одном из залов на первом этаже, наверное, стоит у камина с отцовским портсигаром, – девушка легко качнула плечами, выражая сомнения в собственных словах, – раньше, когда он жил с нами в Шотландии, я часто заставляла его именно за этим занятием.

– Спасибо, мисс Уанхард, – ответила мисс Россер.

– Неужели Вы действительно пойдете его искать? – спросил мистер Мак-Дугал.

– Я должна попросить прощения, – ответила девушка.

– Пусть будет по-Вашему, – ответил мужчина.

Мисс Россер лишь кивнула в ответ и направилась в сторону выхода из зала, оставляя мисс Уанхард и мистера Мак-Дугал одних. В зале было по-праздничному шумно, пары кружили в вальсе и мерцали огни. На поместье опускалась глубокая ночь, и в небе сияли звезды, так же ярко, как и одеяния гостей. Ярче всех в зале горела мисс Уанхард, поражая всех своей изящностью. Многие сравнивали ее с лебедем, хрупким и нежным. Все, кто видел ее, поражались ее сдержанностью и ровностью, как и подобает девушке из знатного рода. Смотрела она на всех легко, без высокомерия во взгляде, в то время, когда девушки вокруг смотрели на нее либо с завистью, либо с восхищением, желая быть такими же.

Мисс Уанхард и мистер Мак-Дугал переглянулись между собой, и девушка слабо улыбнулась.

– Она не похожа на остальных, – заметила девушка, – совершенно.

– И это к лучшему, навряд ли Вам, мисс, захотелось бы стать родственницей с кем-то из них, – и он невзначай легким движением руки повел в сторону пятерых девушек, которые уже что-то обсуждали между собой, активно размахивая веерами от возбуждения.

– Разумеется, нет, – она качнула головой, и волосы на ее плече из общей волны рассыпались на пряди, – я хотела бы, чтобы жена моего брата была так же из высоко почтительного рода, и как я вижу, мисс Россер могла бы стать его женой.

– Россер, – задумчиво повторил мистер Мак-Дугал, – я даже не знаю, откуда она. Было бы не плохо лучше узнать про ее семью.

– Да, это было бы не лишним.

Коридоры в поместье были освещены небольшими лампами по стенам и люстрами с потолка, учитывая, что единственным источником света с улицы была большая круглая Луна. Мисс Россер шла по коридору в поисках нужного зала, а вокруг ее витали добегающие звуки скрипки, под которую танцевали гости. Окна еще не закрыли, поэтому на первом этаже становилось прохладно, поэтому мисс Россер, потирая руки, решила ускорить поиски. Она зашла в первый же попавшийся зал, но там никого не было, кроме крошечной тьмы, и девушка сочла, что, наверное, сегодня она уже не найдет хозяина поместья.

– Мистер Уанхард, – тихо произнесла она, направляясь по коридору к следующему залу, в котором, как ей казалось, был свет.

Но и там никого не оказалось, поэтому мисс Россер, глубоко вдохнув, решила продолжить свой путь по первому этажу бесцельно. Она прошла через весь первый этаж, и ушла так далеко, что до нее не доносились звуки скрипки и фортепиано. Среди сумрачной темноты первого этажа она села на скамью в коридоре и чувствовала себя непривычно морально дискомфортно. Ей было очень жаль мистера Уанхард, что из-за ее нерасторопности, он остался в расстроенных чувствах, и шампанское она так и не попробовала.

– Мистер Уанхард, мне очень жаль, – вслух произнесла мисс Россер.

– Я Вам верю, иначе бы Вы не пришли, – вдруг услышала она и от неожиданности вздрогнула.

– Мистер Уанхард? – обратилась девушка, желая узнать источник звука.

– Да, – в темноте она вдруг увидела светлое лицо, появившееся в дверном проеме напротив нее, а за его спиной не было ничего кроме непроглядной тьмы.

– Вам нравится сидеть в темноте? – спросила мисс Россер, поднимаясь со скамьи.

– Определенно, – ответил ей мужчина, – она помогает собраться с мыслями.

– И Вас она не пугает? – спросила девушка.

– Это женский удел бояться темноты, – с улыбкой ответил мистер Уанхард.

– Я темноты не боюсь, мистер Уанхард, – с вызовом ответила девушка и вошла к нему в темный зал, настолько темный, что в коридоре по сравнению с залом казалось светло.

– В любом случае, считаю, что уже нет смысла соблюдать полную тьму, мисс Россер, – ответил мужчина, и комнату осветила свеча, стоящая на деревянном чайном столике.

Мистер Уанхард одним движением потушил спичку, которой поджог свечу и сел в глубокое кресло у камина.

– Да, так определённo лучше, мистер Уанхард, – ответила мисс Россер и прошла к креслу напротив, – Вы не против, если я тоже сяду?

– Конечно, мисс Россер, садитесь, – ответил мужчина, не глядя ей в лицо.

Ткань юбки платья мисс Россер тихо зашуршала, и девушка опустилась в кресло, глядя в лицо хозяину поместья. Он не казался ей чем-то расстроенным, скорее она сочла, что он усердно думает о чем-то ему неприятном, порой потирая подбородок, на котором начала проявляться светлая щетина.

– Значит, мисс Россер, Вы успели познакомиться с моей сестрой, – заговорил он, и девушка согласно кивнула:

– Да, мистер Уанхард, она и сказала, где Вас можно найти. Я была крайне удивлена, что Вы ждали меня на балу. Если бы я знала, я бы не заставила Вас ждать. Я прошу прощения.

– Я понимаю Вас, Вы не должны извиняться, – мистер Уанхард не смотрел на неё, глядя куда-то в темноту комнаты. Он выглядел опустошенным, а все его тяжёлые мысли были видны на его лице.

– Как Вы поняли, мистер Уанхард, что я познакомилась с Вашей сестрой? – спросила вдруг мисс Россер.

– Она хорошо меня знает, и Вы узнали у неё где меня искать.

– Да, верно.

На время в зале повисла тишина. Она была тяжёлой, невыносимой, ко всему мистер Уанхард выглядел так, словно в любой момент готов свалиться с тяжёлой болезнью. Между бровей легла глубокая морщина, а указательный палец левой руки он закусил, глядя на пламя свечи на чайном столике. Мисс Россер так хотелось, чтобы он сказал хоть что-то, что вернёт в зал лёгкость дыхания, а сам мистер Уанхард не мог подобрать слов, которыми хотел поделиться с мисс Россер своими переживаниями.

– Скажите же, что Вас так гнетет? – спросила девушка, не выдержав тяжести тишины и демонстрируя нетерпение. Руки её рефлекторно сжали ткань юбки, а глаза бросили на мужчину строгий взгляд зелёных глаз из-под длинных чёрных ресниц.

– Не хочу я идти против воли отца, но и делать столь серьёзный выбор сегодня – не могу и не хочу! – с пылом ответил мистер Уанхард, а потом, сознавая собственное бессилие, опустил голову.

– Я думаю, Ваш отец примет любое Ваше решение, объясните ему, что к женитьбе Вы относитесь со всей серьёзностью, – говорила мисс Россер, понимая, что совершенно не знает уровень их отношений, и соответственно, не может дать действительно нужный совет. Мистер Уанхард в ответ вымученно улыбнулся, и мисс Россер почувствовала себя уязвленной.

– Ну, тогда Вам ничего не остается, кроме как выбрать себе невесту сегодня вечером, – ответила она, отворачиваясь и поправляя юбку. Теперь от присутствия рядом с мистером Уанхард она чувствовала себя очень дискомфортно. Его мучили личные внутренние переживания и непонимание в семье, а она ничем не могла ему помочь, да и не сильно хотела.

Свет свечи дрожал, видоизменяя их тени на стенах. Мистер Уанхард молчал, заламывая пальцы, а мисс Россер ждала оптимального момента для того, чтобы распрощаться и покинуть зал. Сквозь темноту, через которую было сложно смотреть, так как в глазах начинало рябеть, она рассматривала комнату. Она была небольшой, и днем ее окна выходили на солнечную сторону, на ближней стене висела какая-то картина, но что на ней изображено, мисс Россер не могла понять. В свете свечи поблескивала только золотистая рама. Особенно четко девушке были видны кресла, в которых они сидели, которые были обшиты странной грубой бордовой тканью, ближний книжный шкаф, камин с металлическими черными узорами и мраморной полкой, на которых стояли часы.

– Сегодня днем Вы сказали мне, что Вы не хотите быть моей невестой, – вдруг заговорил мистер Уанхард, и мисс Россер перевела на него взгляд.

– Да, я помню что-то такое, – настороженно ответила девушка, понимая, что не знает, что ожидать от мужчины.

– И, если я сделаю Вам предложение, Вы откажете мне, мисс Россер? – спросил мужчина, глядя ей в лицо.

– Мистер Уанхард, – девушка тяжело вдохнула, собираясь с мыслями и уводя взгляд, – Вы делаете это сейчас только потому, что такова воля Вашего отца? Вы готовы жениться на мне, лишь бы он не решил, что Вы намерены послушаться его?

– Мисс Россер, прошу Вас, – ему было сложно подбирать слова, и он чувствовал, что поступает совершенно бесчестно, – если Вы согласитесь, я обеспечу Вам безбедное существование до конца Ваших дней, и Вы будете одной из самых уважаемых женщин в Англии!

– Я и так одна из самых уважаемых женщин Англии, и у меня есть деньги, – ответила мисс Россер, чувствуя, как слова мужчины ударили по ее самолюбию.

– Прошу Вас, мисс Россер, станьте моей женой! – с пылом сказал мистер Уанхард, и девушка поняла, как, совершенно того не желая, стала избранной в невесты. Ей сразу вспомнились разноцветные платья девушек в бальном зале и красные щеки мисс Вуд, которая не так давно, сияя от восторга присутствия в поместье мистера Уанхард, была на грани сумасшествия от нахождения в одном помещении с его сестрой. В этот момент она с трудом сдержала злорадную улыбку, представляя в голове их расстроенные, возможно, сердитые, удивленные или даже разочарованные лица. В ее голове за пару секунд успело проскользнуть столько мыслей, что она уже успела представить себя миссис Глэдис Россер-Уанхард, как мужчина снова заговорил:

– Лучше жениться на Вас, чем на ком-то из тех, кто сейчас в зале. Мисс Россер?

– Мистер Уанхард, я ехала сюда соблазненная собственным любопытством, я не полагала и не рассчитывала, что Ваш выбор падет на меня, что Вы вообще станете рассматривать меня как свою невесту, но если Ваше положение настолько безвыходное...

– Совершенно безвыходное, мисс Россер, – ответил мужчина, вглядываясь в лицо девушки и жаждая ее положительного ответа как воздуха или воды. Его отец был мужчиной бессердечным, даже категоричным и непоколебимым, и всех своих троих детей вырастил в требовательности, кроме единственной дочери, которой порой и позволял быть балованной, но мистер Уанхард хотел видеть мисс Россер своей женой не только потому, что отец требовал остепениться от сына, но и потому, что весь ее образ от макушки до кончиков пальцев заставлял его сердце биться сильнее, а все его мысли занимала только она.

– Тогда я согласна быть Вашей женой, мистер Уанхард, – ответила мисс Россер.

– Спасибо! – горячо ответил мужчина и поднялся с кресла, прильнув к ногам девушки, сжимая ее ладони в своих руках. – Поверьте мне, я сделаю всё, чтобы Вы никогда не пожалели о своем решении!

– Я поверю Вам, мистер Уанхард, и очень надеюсь, что Вы не разочаруете меня, так как я согласилась на этот брак только из солидарности с Вами!

– А теперь, – он поднялся с колен и глянул на нее сверху вниз, – я хотел бы представить Вас в зале как свою невесту.

– Ох, мистер Уанхард, – девушка поднялась из кресла, – надеюсь, меня не разорвут на части дамы, претендующие на Ваше сердце!

– И меня вместе с Вами за то, что выбрал я не одну из них! – ответил ей мистер Уанхард, и мужчина потушил свечу.

Глава 2. Момент внутренней нежности

Они шли по коридору первого этажа обратно в сторону бального зала, и мисс Россер думала только о том, не пожалеет ли она о своем скоростижном решении. Мистер Уанхард не вызывал в ней нежных чувств, и она не претендовала ни на его деньги, ни на его сердце, ни на то, чем он обладал, а сам он не казался ей мужчиной, к которому можно было испытывать слепую любовь. Для нее вообще было не ясно, как девушки, приехавшие в это поместье, могут так терять голову от мужчины. Мистер Уанхард в это время изнутри горел от радости и счастья, что именно она станет его женой, пусть внутри него зарождался страх того, что она может передумать и покинуть его поместье. Ему хотелось взять ее за руку настолько крепко, что даже если бы она захотела вырваться и убежать, у мисс Россер никогда бы этого не получилось.

Чем дальше они шли, тем громче был смех, музыка, а по тонкому обонянию мисс Россер бил запах тяжелых духов и алкоголя.

У самых дверей их встретил мажордом, кланяясь мистеру Уанхард.

– Вы вернулись, сер. Вас представить?

– Да, пожалуйста, Джозеф, – ответил мужчина, – представь меня и мою невесту...

– Глэдис Россер, – ответила девушка.

Мужчина понимающе кивнул, поклонился и толкнув широкие деревянные двери вошел внутрь, прижав руки вдоль тела и очень широко открыв рот, чтобы перебить звуки вальса, закричал:

– Мистер Энтин Ирвин Уанхард и его невеста Глэдис Россер!

В этот момент наступила тишина, и девушка почувствовала, как внутри нее всё обрывается. Ей было весело от злорадных мыслей, что сама того не желая, она обошла в гонке за роль жены мистера Уанхард мисс Вуд и ее подружек, но при этом она очень переживала из-за их нескрываемой ненависти. Она уже чувствовала, как горят щеки рыжей девушки, которая с силой сжимала в руках сложенный веер, и когда они вошли в зал, самой первой кого увидела мисс Россер, была именно мисс Вуд. Она сжала губы, а пальцы, в которых был веер, были стиснуты с такой силой, что побелели костяшки. Рядом с ней стояла Хлоя О'Брайан, лицо которой было наполнено такими болью и разочарованием, что с темных ресниц были готовы сорваться слезы. Она опустила ослабевшие руки и не моргая смотрела на мисс Россер.

– Я чувствую себя крайне неудобно, – прошептала девушка своему жениху.

– Я Вас прекрасно понимаю, – ответил мужчина, помогая ей идти мимо приглашенных в самый центр зала, где их ожидали мисс Уанхард и мистер Мак-Дугал.

Мисс Уанхард за время отсутствия в зале мисс Россер ничуть не изменилась. Она была столько же прекрасна и теперь тепло улыбалась, словно случилось то, чего она и ожидала. Мистер Мак-Дугал смотрел на жениха и невесту с таким же теплом, и довольно улыбался, покачиваясь на подошве своей обуви.

– Милый брат, – заговорила мисс Уанхард, – как же я рада! Я считаю, что мисс Россер – правильный выбор.

Саму мисс Россер слова девушки немного смутили, и она перевела взгляд на мужчину.

– Спасибо, сестра. Думаю, отец одобрит мой выбор!

– Конечно, одобрит! – ответила ему мисс Уанхард, приподнимая брови в удивлении от сомнений брата.

– Что ж, – выдохнул мистер Мак-Дугал, – пришло время официально представить невесту, выбрать дату и начать свадебную подготовку!

– Одну секундочку, – ответил мистер Уанхард, и сжав руку мисс Россер развернулся к гостям. Все смотрели на него с немым вопросом во взгляде: «Неужели?», в глазах некоторых девушка увидела недоверие, а в других – обиду и злость. Мисс Вуд, которая недавно сияла от

разрывающей ее на части любви к мистеру Уанхард, теперь смотрела на него с разочарованием, а на саму мисс Россер – с ненавистью. Глэдис Россер мысленно обратилась к ней со словами, что в брак вступает без энтузиазма, но мисс Вуд не могла прочесть ее мысли.

Рука мистера Уанхард была сильной и уверенной, и мисс Россер сразу это заметила. В какой-то момент ей показалось, что рядом с этим мужчиной ей совершенно нечего бояться.

– Дорогие гости! Наступил момент сообщить Вам, что я определился с невестой! – говорил мужчина, и мисс Россер заметила, как мисс Вуд шепчет что-то девушке в зеленом платье.

– Интересно, что помогло Вам сделать выбор, мистер Уанхард, учитывая, что Вы и мисс Россер отсутствовали на большей части бала? – заговорила девушка в зеленом платье.

– Ваше поведение, мистер Уанхард, может породить неверное мнение о Вас, и даже слухи, – подтвердила мисс Вуд.

Мисс Россер опустила глаза, понимая, что именно этого и следовало ожидать, и слова девушек пока что только цветочки от тех проблем, которые, возможно, они создадут им в будущем.

– Решение было принято мной на основе Вашего поведения, Ваших взглядов в мою сторону, перешептываний и грубостей в адрес других гостей, мисс Вуд, – ответил ей мистер Уанхард совершенно никому неизвестным низким и властным голосом, таким, что даже мисс Россер вдруг подняла на него глаза в изумлении.

Растерянная девушка попыталась что-то ответить, но мужчина продолжил:

– Даже сейчас Вы смеете мне перечить, в то время, когда истинная женщина никогда не посмеет сказать что-то в укор своему мужу. И ни к чему склонять на свою сторону других гостей поместья – я могу сделать так, что Вы никогда не окажетесь здесь снова. Я прошу уважать и принимать мой выбор, мою невесту Глэдис Россер!

Зал взорвался аплодисментами, и девушка краем зрения увидела, как мисс Уанхард, в изумлении подняв брови от жесткости брата, слабо похлопывала себя по правой ладони. Рядом с ней стоял не менее удивленный мистер Мак-Дугал.

– Наверное, рядом с такой женщиной он стал чувствовать себя увереннее, – устала мисс Россер голос мужчины.

– Чувствую, нас ждет эмоциональный и полный жара союз, – ответила ему мисс Уанхард, переводя взгляд с брата на мистера Мак-Дугал, – мисс Россер не такая милая как кажется на первый взгляд.

– Вы думаете? – спросил мужчина, и женщина ему с улыбкой молча кивнула.

Всего, чего хотела мисс Россер, была тишина, поэтому, когда она вошла в свои покои, она смогла с облегчением вздохнуть. То, что произошло сегодня, казалось ей невообразимым сном, и ей сложно было поверить, что мистер Уанхард сделал ей предложение, а она, совершенно не борясь за свою свободу, дала согласие. В голове ее это никак не могло уместиться, поэтому она, с силой швырнув в стену металлическую вазу с цветами, села на софу, сжимая голову руками.

– Зато отец мой будет счастлив, – проговорила она вслух, а затем снова поднялась на ноги, наблюдая как по полу с тяжелым ковром растекается вода из вазы, а в разных сторонах лежат красные как ее помада розы.

Это были розы из сада мистера Уанхард. Ножки их были длинными, с множеством острых как лезвия, шипов, а бутоны были крупными, налитыми цветом. Лепестки были тяжелыми и распадались в стороны, демонстрируя желтые тычинки.

– Мисс, – послышался сиплый голос ее слуги, он медленно входил в комнату, – до меня дошли удивительные слухи...

– Слухи? – переспросила мисс Россер.

– Вы выходите замуж за мистера Уанхард, – подтвердил мужчина, пряча свое уродливое лицо под черным капюшоном.

В ответ мисс Россер тяжело вздохнула и снова села на софу.

– Вы жалеете о своей согласии? – спросил мужчина, делая шаг вперед.

– Замолчи, Сид, – огорченно ответила мисс Россер, – я пошла на это даже не зная почему.

Мужчина повинувшись кивнул и отошел чуть поодаль, после чего все же заговорил:

– Нужно сообщить об этом мистеру Россер.

Девушка промолчала, а потом все же прошла к письменному столу.

Мисс Россер была удивительно привлекательной женщиной, такой, что многие знакомые мужчины из Лондона мечтали, чтобы она отдала им свое сердце. Сама она считала, что ее внешность и деньги в наследство от отца позволят ей когда-нибудь выйти замуж по любви, пусть она никогда не знала, что это за чувство. В то время, когда ее знакомые девушки влюблялись и делились между собой своими переживаниями и находили идолов среди мужчин, мисс Россер всегда отличалась холодом и безразличием к противоположному полу, находя их ни капельки непривлекательными. Она думала, что возможно, это следствие того, что в этой жизни она не нуждается в выгодном браке, но среди мужчин она так и не смогла найти того, кто вызвал бы в ней интерес. Теперь, сидя и обдумывая письмо отцу, она сожалела о том, что никогда никого не любила, потому что сейчас она вынуждена выходить замуж без любви и чувства этого никогда не узнать.

«Стерпится-слюбится, милая» – говорила ей когда-то мать, когда она все еще была среди живых, и теперь для мисс Россер эти слова имели огромное значение, так как ей предстояло привыкнуть и называть мужем совершенно чужого ей человека.

В это время мистер Уанхард был на седьмом небе от счастья, переодеваясь ко сну. Он ходил по своей спальне напевая себе под нос веселую песенку, даже не догадываясь о душевных муках своей невесты.

На утро всё поместье шепталось только о том, каким образом мисс Россер смогла завоевать сердце мистера Уанхард, пусть по завистливым взглядам в ее сторону всем было понятно, что никто из приезжих девушек ей не конкурент. Она была членом уважаемого Лондонского общества, обладала большим наследством, уважала себя и была невероятно красивой. Мужчины провожали ее заинтересованными взглядами, а их жены делали вид, словно не замечают этого, продолжая дружелюбно улыбаться и вести светскую беседу, в то время, когда стоило женщинам остаться наедине, они начинали плести новую порцию слухов о мисс Россер.

На следующий день часть гостей покинули поместье, желая, как можно скорее покинуть место, где нельзя было показать своих истинных эмоций и боли. Усаживаясь в экипажи, некоторые девушки не могли сдерживать слез, а их матери строго говорили им держать себя в руках. Другие дамы прикладывали достаточное количество сил, чтобы покинуть поместье с чувством собственного достоинства. Мисс Россер и мистер Уанхард провожали гостей вместе с мистером Мак-Дугал, которому было крайне сложно сдерживать ехидную улыбку, в очередной раз видя, как девушки роняют слезы. Мисс Уанхард, стоящая рядом, каждый раз просила его вести себя сдержаннее и смотрела на него с достаточной строгостью, чтобы мужчина подчинился.

– Надеюсь, Вы примите приглашение на нашу свадьбу, – говорил мистер Уанхард, провозжая очередной экипаж, – точную дату я сообщу в письме.

– Спасибо, мистер Уанхард, надеюсь, к тому моменту у нас не появится других планов, и мы сможем посетить Ваше столь замечательное мероприятие, – ответила ему женщина, что была в компании своей дочери, сына и мужа.

Мисс Россер чувствовала себя дискомфортно, но демонстрировать этого было нельзя. Она держалась рядом с мистером Уанхард, пожимала провожаемым мужчинам руки, женщинам – делала реверанс и кланялась, при этом мило улыбаясь и отвечая любезностями. Сам мистер Уанхард тоже был смущен, особенно, когда уезжающие девушки начинали плакать от мысли, что они покидают это поместье и им никогда не стать женой его хозяина, но мужчина пытался, как и следует джентльмену не показывать своих эмоций, пусть порой, когда очередная закатывалась в рыданиях, он был готов трястись от гнева и раздражения. Легкую дрожь

его руки в такие моменты чувствовала мисс Россер, испытывая чувство солидарности с ним, которое вызывало в ее сердце приятное тепло.

Этот день выдался прохладнее, откуда-то пришел холодный ветер, а на небе появились кучевые облака. Солнце часто пряталось за ними, теряя возможность прогреть воздух. Когда последний экипаж отправился, мистер Уанхард и мисс Россер за разговором не заметили как оказались у самых ворот поместья, так далеко, что стены усадьбы оказались где-то на линии горизонта. Воздух был прохладным, а из-за движения облаков, они часто оказывались в тени. Мисс Россер поэтому сегодня оделась теплее, накрыв плечи шерстяным платком.

– Надеюсь, больше никого провожать не придется, – заговорил мистер Уанхард, – я устал улыбаться.

– Разрешаю Вам больше этого не делать, – ответила девушка.

– Мисс Россер, я хотел бы пройтись, – он посмотрел ей в лицо.

– Конечно, и можно поговорить, узнать друг друга лучше, – мисс Россер улыбнулась, – в конце концов, нам скоро обмениваться клятвами и кольцами.

– Я знаю, что Вы не рады этому, – говорил мистер Уанхард, и они направились в сторону парка, – Вы, наверное, вообще любите другого... Простите.

Мужчина растерялся и увел глаза, словно только сейчас задумавшись о том, что ломает девушке жизнь и, возможно, собственные планы.

– Нет, мистер Уанхард, – отвечала девушка, – я никого не люблю.

Они медленно шли между деревьев, которые защищали их от ветра и тихо шуршали листвой. Под ногами трещали мелкие веточки, а где-то высоко чирикали птицы.

– А могли бы Вы полюбить меня? – спросил мистер Уанхард, не поднимая на девушку взгляд.

– Я Вас даже не знаю, поэтому не могу ответить на этот вопрос, – говорила девушка.

– Простите, – мужчина виновато улыбнулся, – Вы такая серьезная, мисс Россер...

– А разве любовь – это не серьезно? – спросила девушка, прислушиваясь к кукушке.

Они шли уже глубоко в парке, и из-за густоты листвы до них не доходили солнечные лучи. Дорога плавно шла вверх к стенам усадьбы.

– Я думаю, я никогда не любил, поэтому я не знаю, серьезно это или нет, – ответил мужчина, и мисс Россер перевела на него взгляд своих удивленных, искрящихся как изумруды глаз, таких глубоких и манящих, сводящих с ума, что мистер Уанхард понял, что поспешил со словами.

– Вы никогда никого не любили? – спросила девушка.

Мужчина ей кратко кивнул, и они продолжили путь.

– Я тоже никогда не любила, – говорила мисс Россер, – но я думаю, что любовь – это очень серьезно.

– Почему Вы так думаете?

– Потому что любовь – это обещание, а обещание необходимо держать до последнего, – ответила мисс Россер.

– Обещание? – спросил мистер Уанхард с усмешкой.

– Именно, потому что, влюбляясь, Вы обещаете себе и любимому, что это на всю жизнь, что это не игра юных сердец, что Вы будете верны и искренне друг с другом, что ничто и никогда не разлучит Вас! – мисс Россер не заметила, как ее одолели эмоции. Она говорила с жаром, глядя прямо в лицо мистеру Уанхард, который смотрел на нее в легкой растерянности, утонув в ее глазах.

– Да, тогда любовь определенно что-то серьезное, – ответил ей мужчина.

– Да, мистер Уанхард, – ответила ему девушка.

– Мне нравится, что Вы так старомодны, учитывая, что сейчас люди женятся и разводятся, совершенно не ценя свою любовь, – говорил мужчина, когда они направились дальше и мисс Россер шла чуть впереди.

– А была ли это любовь, мистер Уанхард? – спросила девушка, оборачиваясь к мужчине через плечо. – Ведь люди порой путают ее с влюбленностью, а она ничего общего не имеет с любовью, оттого она и гибнет, когда люди начинают видеть друг друга такими какие они есть.

– Вы говорили, что никогда не любили, – вспомнил мистер Уанхард, после преодоления резкого подъема вверх через корни разросшегося дуба, – а столько знаете про любовь.

– Всё это когда-то мне рассказывала мама, – говорила мисс Россер, – она знала, что такое любовь, так как в брак с моим отцом вступила только из-за этого чувства.

– И Вы тоже хотели вступить в брак по любви? – спросил мужчина, останавливаясь и смотря девушке в лицо. – А я испортил Вам все планы...

– Мистер Уанхард, – отвечала она, испытывая легкое раздражение, – уже как есть.

– Я поступил с Вами неправильно, даже корыстно, лишь бы удовлетворить своего отца, – с горечью в голосе говорил мужчина.

– И моего, в какой-то степени, я считаю, что он будет даже больше рад, чем Ваш, – мисс Россер говорила легко, словно факт женитьбы с мистером Уанхард ее не расстраивает.

– Вы удивительная женщина, – выдохнул мужчина, – сегодня я видел плачущих уезжающих девушек, что любят меня, я видел тех, кого выдавали замуж насильно, и они были в слезах, а Вы не любите меня и замуж не хотите, но говорите обо всем с такой простотой. Должно быть внутри Вас горит огонь, который Вы никому не хотите показывать!

– Должно быть, – коротко ответила девушка, пожимая плечами, и они вышли к прямой дороге к усадьбе.

– Вот мы и пришли, мисс Россер, – заметил мужчина, – хотите чай?

– Я так устала, мистер Уанхард, что хотела бы пройти к себе, – девушка слабо качнула головой и перевела на мужчину взгляд.

– Да, конечно, – он согласно кивнул, – тогда мы увидимся за ужином?

– За ужином, – ответила девушка и направилась вперед мужчины к широким дверям поместья, над которыми по каменной стене разрослись неизвестные ей растения с фиолетовыми цветами.

В своих покоях, расположившись за письменным столом, она продолжила думать над письмом отцу. В сотый раз макая перо в чернила, она начинала с начала, совершенно не понимая, что именно и она хочет сообщить отцу и в какой форме это сделать. Мистер Россер ждал письма лишь ради одной новости – его дочь выходит замуж.

«Дорогой отец,

Поместье мистера Уанхард оказалось еще более огромным и прекрасным, чем об этом говорят в Лондоне. Возможно, когда-нибудь у тебя получится сюда приехать.» – закончив предложение, девушка пожалела о нем, понимая, что ее отец конечно же приедет, узнав, что его дочь будущая миссис Уанхард. – «Помимо меня приехало очень много девушек со всей Великобритании, и я была удивлена увидеть, что среди них есть обычные провинциальные девушки, мечтающие вырваться в свет за счет удачного брака.» – она писала это намеренно, зная отцовское отношение к небогатым семьям Англии, она уже видела, как, читая письмо на этом моменте, он злорадно улыбается.

«Мне здесь» – в этом месте мисс Россер долго думала соврать или сказать правду, но зная жесткий нрав отца, решила сказать то, что он бы хотел узнать. – «очень нравится, и все здесь приняли меня радушно. Сам мистер Уанхард оказался очень приятным молодым человеком, и он действительно сделал выбор за один вечер, пусть я это считаю не совсем верным решением, ведь он совершенно не успел узнать девушку, на которой решил жениться. Вам, отец, наверное, очень любопытно узнать, кто же эта счастливица? Он выбрал меня, сделал предложение, и я

согласилась. Мы еще не говорили о дате и о количестве гостей, но позже я напишу Вам об этом в письме. Очень скоро я окончательно уеду из Лондона.

Целую, Ваша дочь, мисс Глэдис Россер!».

Странная тяжесть легла на душу девушки, так как она была совершенно не рада запланированной свадьбе, ко всему ей очень не хотелось читать ответное письмо отца, которое будет наполнено ожидаемыми фразами о том, как он рад этому союзу, и что это был лучший вариант для его дочери, а любовь дело второстепенное. Возможно, будь мисс Россер старше, она бы считала так же как отец, основывая все свои решения лишь на собственной выгоде, но Глэдис Россер было только девятнадцать лет, и ее сердце жаждало любви и романтики. Мистер Уанхард был так рад, что эта девушка приехала в его поместье, потому что теперь он знал, что такое трепет души, и как он хотел, чтобы мисс Россер так же полюбила его. Он был старше на шесть лет, и в его возрасте он уже думал не встретить ту, что разожжет в нем огонь, поэтому появлению мисс Россер в его жизни он был благодарен.

Мисс Россер запечатала письмо, сидя за столом, и отдала его прислуге, что все это время занимал привычное для себя место в дальнем углу комнаты, прячась в тени. Взяв конверт своими тонкими кривыми пальцами, он убрал его под черную ткань своих одеяний.

– Сид, будет просьба, – проговорила девушка, глядя на слугу.

– Что угодно, мисс? – он опустил в поклоне голову.

– Когда придёт ответ, прочти его сам, а мне его потом перескажешь.

– Как Вы скажете, мисс. Думаю, Ваш отец будет очень рад новостям! – сиплым голосом говорил мужчина, глядя на неё своими бесцветными прозрачными глазами альбиноса.

– Да, в этом я уверена, – мисс Россер согласно кивнула и встала из-за своего письменного стола, оглядываясь вокруг.

Недавно разбросанные розы уже давно собрал и выбросил её слуга, чтобы по поместью не разносились слухи о несдержанности мисс. В такие моменты мисс Россер понимала, почему отец отправляет всюду Сида вместе с ней. Он был верен их семье и никогда не позволил бы себе допустить её членам хоть каким-то образом ударить по своей репутации. Мисс Россер всегда отличалась от всех своих родственников темпераментностью, и если отец научил её на людях держать себя в узде, то в одиночестве она могла позволить себе выплеснуть всё, что накопилось. В такие моменты Сид знал, что нужно делать и молча исправлял последствия. Он никогда и никому не рассказывал о срывах мисс Россер кроме её отца, поэтому никто даже в родном доме не догадывался об эмоциональности девушки.

Поправив волосы и перепутавшиеся подъюбники, мисс Россер последний раз осмотрела спальню, место где она чувствовала себя уютно, и направилась на ужин.

Сейчас гостей было в разы меньше, и девушка сразу заметила, что из пятерых дам остались только мисс Вуд и её подруга в зелёном платье. Они держали в руках веера, за которыми прятали свои перешептывания. Порой они бросали на мисс Россер оценивающие взгляды, вероятно обдумывая новую порцию слухов, которые планировали распустить по поместью.

Мистер Уанхард так же уже был в столовой и, заметив мисс Россер, поманил её к себе рукой. Девушка направилась к нему, заметив, как просто и при этом элегантно он одет.

На нем были темные брюки и зеленая, почти такого же изумрудного цвета как глаза мисс Россер рубашка, а самая верхняя пуговица была небрежно расстёгнута. Он смотрел на девушку с таким теплом, словно в столовой они были одни, поэтому мисс Россер ощутила легкое смущение, но при этом и легкий восторг от мысли, какой гнев сейчас кипит внутри мисс Вуд, наблюдающей за влюбленным не в нее мистером Уанхард.

Мистер Энтин Уанхард был высоким и очень привлекательным мужчиной с классической кельтской наружностью из-за своего шотландского происхождения. Волосы его были светлыми, сияющими на солнечном свете легким золотом с рыжиной, и эти волосы заставляли девушек из Англии ненавидеть свой блеклый блондинистый цвет или же пепельно-русый, кото-

рый не обладал столь соблазняющим блеском. Мисс Вуд и другие восхищались им, обиженно признавая, что ресницы мистера Уанхард, которые были темно-коричневого цвета, были значительно длиннее их, изогнутыми так, что ему совершенно не были нужны щеточки для ресниц. Нос его и скулы весной и летом целовало солнце, оставляя следы в виде маленьких веснушек. Глаза его сияли, по крайней мере сейчас, потому что смотрел он на мисс Россер, удивительной чистой бирюзой. Разглядывая его лицо, приехавшие девушки теряли связь с реальностью, не понимая, кто же стоит перед ними. Не ангел ли!?

Но все эти чары совершенно не действовали на мисс Россер, поэтому от его внешности в искуплении она не замирала.

Она прошла к нему и поклонилась.

– Добрый вечер, мистер Уанхард, – произнесла она, глядя ему в лицо, а тот, растеряв всю свою уверенность, с которой стоял перед гостями, смог лишь тихо ответить ей:

– Добрый, мисс Россер.

Мистер Мак-Дугал, что стоял рядом, заметив поведение мужчины лишь тихо усмехнулся, который раз убеждаясь, что друг его решительно влюбился в приехавшую в гости девушку.

Все сели за стол, мисс Россер как уже полноправная невеста мистера Уанхард, села по правую сторону от него. В течение всего ужина она чувствовала на себе взгляды мисс Вуд и ее подруги, видимо, самых оскорбленных из пятерых, что мистер Уанхард выбрал не одну из них. При этом мисс Россер прекрасно понимала, что выбери мужчина хоть саму девушку в зеленом платье, мисс Вуд все равно была бы зла, и точно так же сидела бы сейчас за столом, ненавидя свою соперницу, потому что она считала, что только она одна достойна стать женой мистера Уанхард. Сжав губы и опустив яркие рыжие брови, она посматривала в сторону мисс Россер как маленький обиженный ребенок, которому не досталась желанная игрушка.

Мисс Россер чувствовала, как ей все сложнее играть роль невесты мистера Уанхард, пусть времени прошло еще незначительное количество. Ее мучила мысль о том, что она будет женой совершенно чужого ей мужчины, к которому не испытывает никакого душевного тепла. Она сокрушалась, что поддалась гордости, собственному самолюбию и жалости, дав согласие мистеру Уанхард на его предложение руки и сердца, прекрасно осознавая, что пути назад нет. Пройдет еще несколько дней, и вся Великобритания будет знать о том, что она невеста шотландского богача с огромным наследством и своим поместьем в Англии. Ее пугало, что скажет отец, если в след о том, что она выходит замуж, придет письмо о том, что помолвка расторгнута. Мистер Россер, как ей казалось, будет в ярости.

За столом к ней иногда обращались, спрашивали про Лондон и про ее семью, и не испытывая ни капли удовольствия, мисс Россер была вынуждена рассказывать про вещи, которые она хотела бы оставить при себе.

Мать мисс Россер к огромному горю девушки умерла от чахотки, когда самой девушке было почти шестнадцать, и она осталась на воспитании у своего отца со своей старшей сестрой – Блодвен Россер, которой по случайному везению сделал предложение богатый вдовец из Франции, куда она и уехала, так и не познав жестокости своего отца. Глэдис Россер осталась в Англии под строгим надзором отца, воспитываясь в самых суровых условиях, в которых могла воспитываться девушка того времени и ее статуса. И главное, что требовал мистер Россер, это чтобы его вторая дочь, так же, как и первая, удачно вышла замуж и оставила его в покое доживать свой век.

За столом слышались слова сочувствия, когда мисс Россер сказала о покойной матери.

– Моя мать тоже умерла, когда я был ребенком, – вдруг заговорил мистер Уанхард, глядя на свою невесту.

– Сколько Вам было? – тихо спросила девушка, сводя общую беседу на личную. Все присутствующие за столом сразу поняли это, начав свой разговор совершенно на другую тему.

– Мне было около десяти лет, мисс Россер, – ответила мужчина, отпивая вина из бокала, – я ее помню плохо, так как она очень долго болела и не покидала свой комнаты, и моим воспитанием занимался отец и гувернантка.

– Я сочувствую Вам, – ответила девушка, – но давайте сменим тему, я не люблю говорить о своей семье.

– Почему же? – с искренним удивлением спросил мистер Уанхард.

– Моя мать мертва, сестру я не видела с шестнадцати лет, и из всех близких у меня остался только безжалостный отец, мечтающий скорее от меня избавиться, – ответила девушка, чувствуя, как внутри у нее что-то неприятно саднит, но показывать истинных эмоций она не могла. Поэтому мисс Россер бросила в сторону мужчины небрежный взгляд, а слова свои завершила легкой усмешкой, словно всё, что она сказала, не стоит брать в серьез.

– Если это правда, мисс Россер, то обстоит всё очень печально, – тут мистер Уанхард изменился в лице, опустив взгляд с лица девушки, и, глубоко вдохнув, и, явно собирая свою силу по крупицам, продолжил, – но поверьте мне, когда мы поженимся, я никогда и никому не дам Вас в обиду!

Мисс Россер не смогла сдержать искренней улыбки от слов мистера Уанхард, заглядывая ему в глаза. Глубокие, бирюзовые, такие сияющие глаза, цвет которых девушка заметила только сейчас, ловя себя на мысли, как сильно они ей нравятся.

– Спасибо большое, мистер Уанхард, – ответила она, пытаясь собраться с силами и перестать смотреть на мужчину, в то время, когда он точно так же утонул в ее изумрудах.

– Знайте, мисс Россер, Вы всегда можете на меня положиться, – продолжил мужчина, и девушка, видя в его глазах собственное отражение, уже хотела ответить ему: «Я знаю», – но собравшись с силами заговорила:

– Я доверяю Вам, мистер Уанхард, и полагаю, что Вы будете хорошим мужем.

– Ради Вас обязательно, – ответил мужчина.

Мисс Россер не могла признаться себе, что эти бирюзовые глаза тонут в ней. Мистер Уанхард любил её, если это можно было так назвать, видя в ней несокрушимый идеал, а сама она стала замечать, что мужчина начинает вызывать в ней странный интерес. Чувству этому она сопротивлялась, убеждая себя, что мистера Уанхард она никогда не сможет полюбить. Что-то внутри неё пульсировало и мучилось, когда она замечала, что мистер Уанхард общается с кем-то другим, но стоило ему снова заглянуть в лицо мисс Россер, она испытывала странное тепло. Чувства эти её пугали, так как совершенно были ей незнакомы, потому после ужина она поспешила вновь к себе в покои, пусть оставлять мистера Уанхард было тяжело.

В стенах своих покой она не могла найти себе места, сгорая от ожидания письма от отца и желая вернуть себе независимость от мистера Уанхард. На самом деле она искала предлог выйти из своей комнаты, найти его и просто поговорить, но в ее голове никак не выкладывался благопристойный план действий. Сам мистер Уанхард в это время был в своем рабочем кабинете, перебирая письма, в который раз пересматривая счета и понимая, что совершенно не может об этом думать. В голове его все путалось, а браться за дела основательно просто не было желания, поэтому тяжело вздыхая, он просто откладывал бумаги по очереди. Он вспоминал ее лицо и задавался вопросом, чувствует ли она хоть что-то к нему или же соглашение на брак было дано из чистых корыстных планов ее отца, под давлением которого она находится. Он потирал затылок и подбородок изводя себя этими мыслями, прекрасно понимая, что она это сделала только из-за сочувствия, жалости и солидарности. Зная, как жесток мистер Уанхард-старший, она не смогла поступить иначе, спасая и его, и себя от гнева отцов.

Мысли об этом заставили мистера Уанхард окончательно потерять голову, он порывисто смял одну из бумаг и бросил в противоположную стену.

– А ведь она так и не попробовала то шампанское, – задумался он вслух, откидываясь на спинку своего кресла и поднимая глаза к белому потолку, на котором была лепнина, изобража-

ющая виноград и цветы, которые собирались к центру потолка, откуда свисала огромная позолоченная люстра, свечи в которой сейчас были потушены, так как мистер Уанхард, не смотря на сумерки, пользовался несколькими свечами на столе.

Словно чувствуя о чём думает мистер Уанхард, мисс Россер поднялась с софы, на которой отдыхала и размышляла о своем будущем, и решительно произнесла сама себе: «Шампанское».

– Я могу ошибаться, мисс, – послышался сиплый голос Сида, которого было практически не видно в темноте комнаты, – но мистер Уанхард начал Вам нравиться.

– Ты ошибаешься, – холодно ответила девушка и бросила взгляд в темный угол, откуда доносилось хрипящее дыхание слуги.

– Я знаю Вас всю Вашу жизнь, – ответил мужчина, – и жизнь я видел в целом...

Мисс Россер не желала его слышать и, громко хмыкнув, вышла из комнаты, оставляя прислугу наедине со своими догадками.

Кабинет мистера Уанхард был расположен на четвертом этаже, в той части, куда гости редко могли бы пойти из-за ее удаленности, что очень нравилось мужчине, так как никто не отвлекал его от дел. Рядом с ним была комната прислуги, которая помогала ему зимой поддерживать в кабинете тепло, а летом проветривала помещение. Она же вытирала пыль и соскребала с поверхности стола застывшие капли воска от свечей. Мистер Уанхард мог не покидать своё убежище, так как рядом с ним было так же помещение, где был кухонный лифт, и ему могли подать еду в любой момент, как мистеру Уанхард будет удобно. Так же из окон его кабинета открывался прекрасный вид на парк, а рядом с ним был розарий, который отсюда казался просто большим красным пятном среди зелени. Но самым приятным для мужчины был величественной красоты закат, который он наблюдал каждый вечер из своих окон.

Стены были выкрашены в приятный мягкий голубой цвет и завешены огромным количеством картин, приобретенных когда-то, но так и не развешанных по помещениям усадьбы либо из-за своего неподходящего размера, либо из-за неподходящей тематики. Так, например, напротив стола мистера Уанхард на стене висела картина «Неравный брак», а чуть левее – картина Жан-Оноре Фрагонара «Поцелуй украдкой». На стене справа от него висели огромные давно остановившиеся деревянные часы, а слева от него стоял небольшой книжный сервант выполненный, как и вся мебель, из красного дерева. На окнах висели тяжелые плотные портьеры, которые днем практически не пропускали свет, выполненные из жаккарда. И сейчас в своем небольшом раю мистер Уанхард чувствовал себя неудобно, желая скорее вновь увидеть мисс Россер.

Он снова отложил бумаги и поднялся со своего места, желая покинуть кабинет, когда дверь открылась, и, не поднимая глаз, в неё прошла девушка лет пятнадцати в белом чепчике, в чёрном платье и с белым передником. Это была прислуга мистера Уанхард в его рабочем кабинете.

– Софи, – удивился мужчина, замирая на месте, ведь он не вызывал ее.

– Мистер Уанхард, Ваша невеста, мисс Россер, хочет поговорить с Вами, – ответила девушка.

– Да, конечно, – мистер Уанхард вновь сел в свое кресло, – и принеси мне бутылку того шампанского.

– Да, сер.

И она быстро покинула кабинет, приглашая мисс Россер внутрь.

Волнение охватило мистера Уанхард, и он невольно поправил ворот своей рубашки, боясь глянуть на мисс Россер, которая, так же испытывая смутение, вошла в его кабинет, заинтересованно оглядывая стены. Большой интерес вызвали картины, и девушка невольно коснулась блестящей рамы одной из них.

Ей было тяжело начать разговор первой, и она просто замерла перед его столом, ожидая, когда мистер Уанхард разрушит тишину.

– Я удивлен Вашему визиту, – заговорил он, глядя на девушку, которая крутя в руках свои летние кружевные перчатки, смотрела куда-то мимо него.

– Мне очень хотелось всё же попробовать то шампанское, Вы обещали меня удивить, – заговорила мисс Россер, слабо улыбаясь и заглядывая мужчине в лицо, – Вы так далеко забрались, впервые вижу джентльмена, кабинет которого не на первом этаже.

– Вы правы, мисс Россер, я обещал, и Вы сегодня же его попробуете, а насчёт кабинета, – тут он тяжело вздохнул, – отсюда открывается хороший вид на закат.

– Я вижу, сер, – ответила девушка, так как через весь кабинет тянулись красные лучи засыпающего солнца.

В этих багряных красках глаза мисс Россер казались ярче и более насыщенного зеленого цвета, а белая кожа приобрела временный румянец. Она улыбалась, смотря в широкое окно и восхищаясь красотой природы поместья мистера Уанхард. Взгляд её скользнул ниже, и она увидела розарий, где цветы, покачиваясь от лёгкого ветерка, словно прощались с солнцем легким поклоном своих голов-бутонов. Мистер Уанхард стоял у своего стола, наблюдая за девушкой. Этот закат он наблюдал уже сотню раз, но ни разу не видел зачарованную мисс Россер. Она улыбалась, прикоснувшись к стеклу своими тонкими пальцами. Черные волосы в крупных локонах были скреплены на затылке, и в солнечном свете она казалась ему восхитительнее чем обычно.

– Вы прекрасны, – проговорил мужчина, поддавшим своим чувствам, и девушка растерявшись перевела на него взгляд.

– Мистер Уанхард, – тихо произнесла девушка, и в дверь раздался тихий стук, после которого она открылась, и слуга хозяина поместья пронесла внутрь шампанское и два бокала. Тихо и молча она быстро прошла к столу, всё оставила, и, шурша подолом своего черного платья, ушла.

Ее словно не было, а шампанское и бокалы появились на столе сами собой, так тихо и аккуратно она всё сделала, но именно её появление спасло молодых людей от неудобного положения.

– Значит, это то шампанское? – сделала вывод мисс Россер, проходя к столу.

– Да, – ответил мистер Уанхард, оказавшись рядом, – у меня есть друг во Франции, он винодел, и именно он предложил создание этого напитка. Видите ли, вино обладает свойством случайного вспенивания, и до того, как мой друг решил сделать это самостоятельным напитком, такие бутылки считались браком. Но теперь, у Вас есть возможность попробовать шампанское из его винодельни.

Мисс Россер подняла взгляд на мужчину, улыбаясь:

– Я его еще не пила, но уже удивлена, что у Вас есть такие знакомства.

– Когда Вы станете моей женой, мы можем даже навестить моего друга, – ответил ей мистер Уанхард.

– Неужели? – спросила девушка, немного отходя от мужчины и снова бросая взгляд на закат. – Как много Вы можете мне наобещать, лишь бы убедить меня в выгоде этого брака?

– Мисс Россер, я не хотел, чтобы это показалось Вам способом подкупа, – отвечал мужчина, – я бы мог отвести Вас туда и без брака, но этикет мне не позволит. Женщину, которая не состоит в браке и путешествует с посторонним мужчиной, будут осуждать. Я не хочу, чтобы эта поездка как-то повлияла на Вашу репутацию.

– Мистер Уанхард, – немного раздраженно ответила девушка, – что реально подпортило мою репутацию, так это помолвка с Вами. Мисс Вуд и ее подруги с огромным удовольствием распускают про меня слухи, каким именно образом я заслужила Ваше расположение.

– Прошу прощения, мисс Россер, но я не требовал от Вас согласия, – говорил мужчина раздраженно, – Вы дали его сами, и думаю, Вы прекрасно знали, на что идете. Мисс Вуд и

ей подобные не стоят и волоса с Вашей головы. И я считаю абсолютной глупостью обращать внимание на них.

– Так значит, по Вашему мнению, я глупа? – девушка бросила на мистера Уанхард строгий взгляд.

– Я не говорил, что Вы глупы, – ответил ей мужчина несколько спокойнее, – я говорил, что Вам не стоит обращать на них внимание. Всё, что они делают, результат их зависти. Мисс Россер, Вам завидуют. Неужели это ни капли Вам не льстит?

– Это должно льстить Вам, мистер Уанхард, – девушка тихо хмыкнула, – они готовы убить друг друга, лишь бы стать Вашей женой, и они не завидуют мне, они ненавидят меня, потому что, по их мнению, Вы выбрали не ту.

– Их ненависть пуста как и их головы, – ответил мужчина, – когда на горизонте появится мужчина, более обеспеченный чем я, они забудут про наше существование.

– А Вы думаете, он появится? – мисс Россер перевела взгляд на мужчину и все же вновь сделала шаг ему на встречу. – Вы исключение из правил, мистер Уанхард. Вы очень привлекательны, добры, с Вами интересно, не избалованы деньгами и, мне кажется, так просты... что...

Она не заметила, как дыхание ее сбилось, а руки мужчины показались убежищем от всех земных бед, потому она почувствовала странное желание прижаться к нему как можно сильнее. Мужчина сам чуть наклонился к ней, и между их носами оставалось меньше дюйма, и в тот момент, когда должен был состояться первый в жизни поцелуй мисс Россер, мужчина вдруг, глубоко отдохнув, отстранился.

– Вы правда так думаете? – спросил он, в то время, когда внутри девушки все заполнила непривычная тоска. Ей показалось, словно на нее вылили ведро холодной воды – она вернулась к привычным чувствам, но было очень грустно. Пытаясь этого не показывать, она улыбнулась и ответила:

– Да, я так думаю, и ко всему Вы просто безмерно богаты, – она пожала плечами, больше удивляясь незнакомой печали внутри, которая, казалось, проедала грудь насквозь, – сейчас вероятно вся Великобритания хочет выйти за Вас замуж, и думаю, это еще долго будет оставаться так.

– Если разговаривать по душам, мисс Россер, – мужчина все же потянулся к бутылке шампанского и начал ее открывать, – мне не нравится моя популярность у противоположного пола.

– Давайте заметим, что, если она вдруг закончится, Вы будете скучать по ней, – ответила мисс Россер, – от столь докучливого внимания можно устать, но ведь оно помогает чувствовать себя нужным, особенным, всеми любимым, а именно это нужно человеку. Если однажды Вы проснетесь, и поймете, что мир вокруг стал другим, и теперь Вы никому не нужны, Вы начнете чахнуть как забытый цветок.

– Возможно, Вы и правы, мисс Россер, – мужчина согласно закивал, разливая шампанское по бокалам, – но я знаю, какого это быть незаметным и никому не нужным. Пока я жил в Шотландии, меня знали, как младшего сына мистера Уанхард, меня даже по имени не называли. Иридия была любимицей у отца, и до сих пор, ее знали все как самого любимого ребенка, меня же всегда держали на втором плане, и многие друзья отца узнали мое имя, только когда я приобрел это поместье и уехал из дома.

– Звучит очень печально, – заметила девушка, – Вы уехали из дома из-за отношений с отцом?

– Да, – хрипло ответил мужчина, а потом взял в руки свой бокал, – я был рад, когда получил такую огромную сумму денег и уехал от него.

– Мистер Уанхард, простите меня за столь прямой и, возможно, оскорбительный вопрос, но откуда у Вас деньги? – спросила мисс Россер, поднимая свой бокал и отпивая игристого вина.

Оно пахло изумительно, и девушка смогла почувствовать запах виноградов Шардоне, Алиготе, Рислинг и Мускат. Шампанское было сухим, но девушке оно казалось сладким и таким приятным на вкус, что она удивлённо глянула на бокал, а потом подняла глаза на мужчину.

– В вопросе Вашем нет ничего оскорбительного, мисс Россер, – отвечал мужчина, сделав щедрый глоток, – Вы имеете право знать, на какие деньги приобреталось мое имущество. И, возможно, я удивлю Вас в третий раз, – он заметил, как девушка была удивлена вкусом шампанского, – но всё это – я выиграл.

– Мистер Уанхард, как такое возможно? – спросила девушка, глядя мужчине в лицо и чувствуя легкую слабость в коленках, пусть она сделала всего один глоток.

– Мой отец пить не умеет, совершенно, – мистер Уанхард поставил бокал на стол и направился к книжному шкафу, чтобы просто облокотиться на него, – а я, стоило попробовать спиртное, понял, какое это оружие и какое это спасение для меня.

– Мне кажется, я поняла Вас, мистер Уанхард, – заговорила мисс Россер, – Вы угостили кого-то французским шампанским и обыграли в карты, выиграв всё, что имел Ваш соперник?

– Вы не совсем правы, мисс Россер, – ответил ей мужчина, усмехаясь, – лишь частично. Однажды мой отец во время вечернего отдыха решил отведать пунша. На тот момент мне было уже восемнадцать, я был почти Вашим сверстником, и всем моим желанием было одно – покинуть отцовский дом и жить так, как я решу, а не он.

– Вы не выбрались из плена, – горько сказала мисс Россер, – ведь Вы женитесь.

– Да, в этом Вы правы, но я хотя бы вижу его реже, – ответил мужчина.

– И что же было дальше? – с любопытством спросила девушка, и мистер Уанхард, улыбувшись, продолжил:

– Он был не один, а с очень хорошим другом, который проживал от нас в нескольких милях и имел достаточно большое имение и удовлетворяющий его потребности доход. Они выпили эту бутылку слишком быстро, поэтому оба плохо отдавали себе отчет. То, что произошло дальше, либо божья милость, либо чистое везение. Друг моего отца, решил научить меня жизни, долго читал мне нотации, как я должен себя вести по отношению к дому и отцу, традициям и так далее. А потом они вдвоем что-то развеселились, и сказали, что я уже взрослый, а ничего кроме вина никогда в жизни не пил. Отец достал из личных запасов бутылку джина, и мы пили ее уже втроем, и друг отца предложил поиграть в карты. Ему было очень весело, он сиял, щеки налились кровью. Меня он воспринимал как ребенка, глупого и слабого, и он считал, что обыграет меня в два счета. Джин закончился, а мужчина понимал, что я все еще трезв, и из отцовского подвала мне принесли три литра какого-то отвратительного вина, которое я был вынужден пить. Мне нужно было выиграть эту игру, хотя бы для того, чтобы показать, что им не стоит смеяться надо мной. А отцовский друг, словно заставляя меня сопротивляться опьянению еще сильнее, с дуру или из-за ослепившей его уверенности, или из-за воздействия алкоголя сказал (до сих пор помню его слова): «Посмотри, Алистер, какой крепкий малый! Если он меня обыграет, я отдам ему всё, что имею. Кроме прислуги! А так, всё остальное, перепису на него! Алистер, можешь записать мои слова! Отрекаться я не стану, он всё равно ещё ребенок, и ему меня не одолеть!» -, а потом он очень громко засмеялся. Я не мог себе позволить проиграть, ни за что. И я выиграл. Он отдал мне всё, как и говорил, кроме слуг, но они потом сами от него ушли, так как он потерял свою влияние и не мог больше выплачивать им жалование. Сейчас он живет в поместье моего отца, восстанавливая свой доход и строя небольшой скромный дом. Очень надеюсь, его не будет на нашей свадьбе.

– История как из книг, – вздохнула мисс Россер, снова делала глоток шампанского, – даже сложно поверить, что такое возможно на самом деле.

– Да, наверное, мне просто повезло, – мистер Уанхард пожал плечами, – Вы осуждаете меня?

– Нет, сер, – ответила девушка, – мне не за что Вас осуждать. Возможно, на Вашем месте я бы хотела, чтобы мне так же повезло. Вам благоволила удача! Теперь Вы независимы от отца! А деньги, как я считаю, были получены справедливо, в конце концов, никто не заставлял друга Вашего отца разбрасываться общениями.

– Я не ошибся в Вас, мисс Россер, доверив Вам эту историю, – мистер Уанхард улыбнулся, – ведь ее знают только мой отец и тот мужчина, никто больше, потому что я знаю, что меня начнут осуждать. Но Вы как доблестный рыцарь начали защищать меня от моих же переживаний.

– Я не вижу в сложившейся ситуации ничего постыдного, Вы выиграли эти деньги честным путем, – проговорила мисс Россер, скрывая свое смущение от слов мужчины, и допила остатки в бокале, – и про шампанское Вы были правы! Вы удивили меня, и очень приятно.

– Я рад, что Вам понравилось, – ответил мистер Уанхард, – в поместье это была последняя бутылка, это шампанское и мне нравится, но я сдержу обещание и после свадьбы мы поедem во Францию.

Мисс Россер улыбнулась, ставя бокал на стол.

– Спасибо Вам большое, мистер Уанхард, – говорила она, – но мы так и не определились с датой.

– Подготовка требует время, – ответил мужчина и прошел к своему столу, ища что-то в бумагах, и мисс Россер увидела небольшой календарь, – свадьба же будет здесь? В ближайшем костеле?

– Я думаю, да, мистер Уанхард, – ответила девушка, в то время, когда мужчина что-то сосредоточенно обдумывал, – надо же еще определиться со списком приглашенных... Мистер Уанхард, какой кошмар. Подготовка к свадьбе – это такой тяжелый труд!

– Я согласен с Вами, когда женился мой старший брат, он порой выглядел очень уставшим, – мужчина кивнул, – я думаю, полгода нам хватит чтобы всё было идеально.

– Отсчитайте ровно шесть месяцев, – согласилась мисс Россер, тоже заглядывая в календарь.

– Восемнадцатое февраля, – ответил мистер Уанхард, показывая на число в календаре, – это будет воскресенье.

– Нужно будет теплое пальто поверх платья, – задумалась девушка.

– Да, и мне утепленный камзол, – согласился мужчина.

– Мистер Уанхард, – мисс Россер подняла голову и глянула в окно, за которым была уже непроглядная темнота. Она и не заметила, как мрак опустился и на комнату, которую от полной темноты спали зажжённые заранее прислугой свечи.

– Да, мисс Россер, – отозвался мужчина.

– Мне очень жаль, но давайте наш разговор чуть отложим, на завтра, например, – предложила девушка, – уже темно, мне пора к себе.

– Да, конечно, мисс Россер, – мужчина убрал календарь обратно в бумаги, – Вы можете идти, спокойной ночи.

– Спокойной ночи, мистер Уанхард, – ответила девушка и направилась к выходу из комнаты.

– Я буду ждать Вас к завтраку, не опаздывайте, – попросил мужчина, бросая на девушку взгляд, в котором было видно, что он совершенно не хочет ее отпускать. Сама мисс Россер так же не хотела уходить, но этикет и правила приличия требовали, чтобы их соблюдали, поэтому поклонившись, она открыла дверь и собралась выходить.

Мисс Россер не хотела покидать мистера Уанхард, но показывать это она не могла. Приподняв голову, и глянув на мужчину последний раз, она вышла из его кабинета. Шурша юбкой платья и продолжая мять в руках перчатки, она направилась к себе, ни разу не обернувшись, чувствуя на себе взгляд мистера Уанхард, который вышел в коридор и смотрел ей в след. Ей

хотелось оставаться непокоренной, чтобы не уподобиться мисс Вуд и другим девушкам, потому зародившуюся симпатию к мужчине, она пыталась заглушить. Мисс Россер не вспоминала ни его слов, ни его лица, убеждая себя в том, что он просто джентльмен, за которого она выходит замуж из-за давления их отцов. Но каждый раз закрывая глаза, она, смущаясь собственных чувств, вновь их открывала, так как среди тьмы опущенных век вырисовывался образ мистера Уанхард. В своих покоях она поспешила смыть с себя все переживая, и указала Сиду набрать ей ванну. Но теплая вода, в которую она опустилась, не помогла ей обрести ясность ума. Сердце продолжало сжиматься от незнакомых чувств, душа ее рвалась обратно в кабинет мистера Уанхард. Она не понимала, как ее может тянуть к мужчине, если она совершенно его не любит. И снова закрыв глаза, опускаясь на дно ванны, она поняла, что отдаст всё на свете за веснушки на его лице. Странное тепло наполнило ее душу, и она захотела оказаться рядом и поцеловать каждую, что небольшими пятнышками рассыпались по его переносице и скулам. Она вспомнила его легкую небрежную щетину и глубину бирюзовых глаз, которые, казалось, украла ее покой.

– Ох, эти губы, – произнесла тихо сама себе мисс Россер, не открывая глаз, а потом испугавшись, что ее может подслушивать Сид, испуганно раскрыла глаза и оглянулась вокруг, но прислуги нигде не было видно, но все же она решила обратиться к темноте комнаты: – Даже не думай, Сид! Он не мне нравится!

В ответ последовала звенящая тишина спящего ночного дома, и мисс Россер поняла, что зря она так переживала – Сиды не было рядом, и она, облегченно вздохнув, опустилась обратно на дно ванны, услышав легкий шорох где-то у стены. В этот момент она поняла, что все же ошиблась, и слуга всё это время был рядом, и теперь все же покинул комнату.

– Что ты удумал, блудник? – крикнула девушка, зная, что ее слуга уже в другой комнате ее покоев. – Когда твоя хозяйка принимает ванну, как ты смеешь наблюдать за этим исподтишка, прячась в темноте!? – она глубоко вдохнула, чтобы вновь закричать. – Я сообщу об этом отцу, и тебе придется искать новую работу!

Теперь мысли о мистере Уанхард окончательно покинули ее голову, и она думала только о том, как наказать Сиды за подсматривания. Она вылезла из ванны, укутывая себя в полотенца и обтирая, мечтая наконец лечь в постель и забыться сном. Она помнила слова мистера Уанхард о том, что он будет ждать ее к завтраку, а, значит, нужно выспаться, чтобы выглядеть прекрасно. И она, пройдя к своей широкой постели с балдахином, откинула одеяло и легла под него, уже представляя себя рядом с женихом под завистливыми взглядами мисс Вуд и ее подруги в зеленом.

Глава 3. Побег от собственных чувств

Осень напомнила о своем скором визите стучащим по стеклам холодным дождем. Земля поместья после стольких дней жары пропитывалась влагой, и деревья, вытянув свои ветви навстречу ночному небу, собирали листьями капли дождя. Цветы в саду, словно грешники, вымолившие прощение Господа, жадно поглощали корнями воду из мокрой земли, а лепестки были рады умыться от летней пыли жарких дней. И розы, разросшиеся кустами, наслаждались долгожданным дождём, пусть и понимая, что скоро их время закончится. Но они не думали об этом, зная, что следующим летом, на кустах с шипами распустится новая жизнь.

Поднимаясь с подушки, мисс Россер не сразу поняла, почему её комната лишена привычного яркого солнечного света, но подойдя к окну, она увидела тяжелое пасмурное небо, и последние сбегаящие капли дождя по стеклу. Свой взгляд она бросила в сторону кустов роз, половина из них уже лишилась своих лепестков под натиском природы.

– Дождь, – выдохнула вслух мисс Россер, и позади неё послышалось движение.

Она моментально обернулась, глядя на своего слугу. Пряча уродливое лицо под капюшоном, Сид крутил в руках странный белый конверт, и девушка сразу поняла от кого оно.

– Мисс Россер, – заговорил он своим сиплым и неприятным голосом, – вчера вечером пришло письмо от Вашего отца. Как Вы и просили, я прочел его сам.

– Рассказывай, только кратко, – попросила девушка, присаживаясь на софу и глядя на мужчину.

– Он поддержал Ваше решение, мисс, – говорил мужчина, – ему интересна дата, и он намеревается навестить Вас. В любом случае, Вам нельзя оставаться здесь дольше других гостей и приехать сюда Вы сможете только на свадьбу, так что отец заберёт Вас.

Сердце девушки было готово вырваться из груди от мысли, что все следующие полгода она будет жить вдали от мистера Уанхард, но она не дрогнула, даже бровью не повела от слов мужчины, так как не хотела показывать слуге своих истинных эмоций.

– Писал он что-то ещё? – словно невзначай спросила девушка, и слуга продолжил:

– Просит Вас не опорочить род своей бестактностью и глупостью, мисс.

– Да пусть он катится к чертям! – с вызовом произнесла девушка, поднимаясь с софы и проходя к своему туалету. – Вся известность нашего рода после смерти мамы только на мне и держится!

– Да, мисс, – отвечал ей слуга, – разумеется, мисс.

– А теперь, мне нужно одеться, меня ждут на завтрак.

– Он уже был, мисс.

Мисс Россер резко обернулась и бросила взгляд на своего слугу, который, чувствуя настроение хозяйки, отшагнул назад и почти прижался спиной к стене, пытаясь не поднимать взгляда. Девушка же, резким движением открыв шкаф со своими платьями, не знала, как поступать теперь. Мистер Уанхард ожидал ее к завтраку, и она обязана была явиться, ко всему ей не нравилась мысль, что ее отсутствие могло как-то отразиться на их взаимоотношениях, или, от этой мысли ее трясло, мисс Вуд имела возможность мило с ним беседовать, так как самой мисс Россер не было рядом.

– Где мистер Уанхард? – спросила девушка у слуги, и тот тихо ответил:

– Я видел его в коридоре второго этажа, а потом он ушел куда-то вверх по лестнице, мисс.

– Мне нужно к нему, – уверено ответила мисс Россер, чувствуя, как внутри нее зарождается беспокойство, – приведи мне сейчас пару слуг, мне нужно помочь переодеться и собрать волосы. И еще! Найди в моих вещах духи, заколку с цветами в волосы и кружевные перчатки, что отец привозил мне из Франции в прошлом году.

– Будет сделано, мисс, – мужчина поклонился, положил конверт на невысокий комод у стены и покинул комнату.

Сид, как слуга верный и преданный практически сразу нашел готовую помочь прислугу, и в деревянном сундуке, из которого были убраны все вещи, нашел заколку с цветами.

Мисс Россер чувствовала, как всё внутри неё вибрирует от странного переживания, когда она подходила к тяжёлой дубовой двери кабинета мистера Уанхард. Сегодня, ненавидя себя всей душой, она надела свой лучший туалет, застегнула в волосах заколку с хризантемами из изумруда, надушилась дорогим французским парфюмом. Так сильно она хотела произвести впечатление на мужчину, что позволила себе отойти от собственных принципов скромности и сдержанности, что прививал ей отец. Ей казалось, что от стыда горели щеки, но обратного пути не было, и она легко постучала в дверь.

– Войдите, – послышался голос мужчины. Он был низким и сердитым, потому девушка сочла, что пришла не вовремя.

Мисс Россер бросила короткий взгляд в сторону мужчины, и вошла внутрь, закрывая за собой дверь. Мистер Уанхард сидел за своим столом, перебирая бумаги и во что-то внимательно вчитываясь, и, когда он поднял взгляд на девушку, та была готова вскрикнуть от ужаса, охватившего её, но вместо этого с силой прижалась к дубовой двери. Взгляд мужчины был полон такой злобы и отвращения, что мисс Россер было сложно поверить, что этот же человек, с которым вчера она пила шампанское.

– Мистер Уанхард, – выдохнула девушка, – простите меня, что я пропустила завтрак. Мой слуга, будь ему не ладно, не соизволил разбудить меня к утренней трапезе! А в такую мрачную погоду я обычно всегда крепко сплю.

Она замолчала, глядя на мужчину, и чувствуя, как паника внутри неё рвется как птица из клетки, но она пыталась держать себя в руках, пусть под взглядом мистера Уанхард хотелось упасть на колени и слезно молить о прощении.

– Ваш отец прислал письмо, мисс Россер, – заговорил мужчина, игнорируя слова девушки, – он очень рад, что выбор мой пал именно на Вас, поздравил меня!

Всё внутри девушки медленно рушилось, она чувствовала, как готовы подогнуться её колени, она уже не прижималась к двери, облокотившись на неё и чувствуя слабость.

– Был бы только повод радоваться! – злобно проговорил мистер Уанхард и опустил один из уголков письма под тонкое пламя горящей свечи на его столе.

– Что случилось, мистер Уанхард? – спросила девушка, глядя на горящее письмо.

– Когда мне об этом сказала мисс Вуд, – начал мужчина, и мисс Россер нервно сглотнула, – я понял, что это не более чем гнусный слух, дабы опозорить Вас, ударить по Вашей репутации, но когда это стали подтверждать и другие гости, удивляясь нашей помолвке, я понял, что это Вы решили ударить по моей репутации! Вы не видели меня женихом, я Вам не нравлюсь, только потому, что Вы впутались в грязный романчик с Лондонским джентльменом! – и мистер Уанхард с силой ударил по столу, поднимаясь со своего места. Резкость его поведения так напугала девушку, что у той сбилось дыхание, но она, прижавшись спиной к двери, пыталась не показывать страха на своем лице.

– И Вы верите этому? – с вызовом спросила девушка, пусть сил сейчас у неё хватило бы лишь на то, чтоб не позволить себе разрыдаться.

Ветер с силой ударил в окно, и по нему вновь застучали капли дождя, а мистер Уанхард, смотря на девушку явно успокоившись, ответил:

– У меня нет повода сомневаться.

– Значит, Вы верите в это! Вы, мистер Уанхард, страшный глупец! – выкрикнула мисс Россер, услышав сама как дрожит её голос от желающих вырваться наружу слез.

– Даже так? Глупец? – мужчина снова стал злиться. – Я был бы глупцом, если бы не распознал в Вас фальшивку!

– Вы поверили мисс Вуд, после всех тех слов, что говорили мне вчера? – девушке было всё сложнее сдерживать слёзы, и она уже хотела сорвать одну из картин со стен, желая услышать треск рамы и холста, в надежде, что это хоть как-то облегчит её душевные муки. – Раз Вы так верите ей, на ней и женитесь! А с меня достаточно! Катитесь к чёрту! Я уезжаю!

– Вот как! Как легко Вы готовы отречься от данного слова! – голос мистера Уанхард гремел как гроза за окном. Вспышка за вспышкой в небе появлялись молнии.

– Я не стану женой человека, который выше меня ставит слухи завистливых соперниц! – выкрикнула мисс Россер, и мистер Уанхард уже не способный сдерживать свои эмоции скинул со стола книги и бумаги, сбил с полки над столом чернильницу и чистые листы, совершенно случайно и не отдавая себе отчет, скинув на пол зажженные свечи.

– Мистер Уанхард! – испуганно вскрикнула девушка. – Вы же сожжёте поместье!

– К чёрту поместье, к чёрту Вас! – выкрикнул мистер Уанхард, кинув свое кресло в противоположную стену, об которую оно с треском рассыпалось, повредив раму картины, а по самому рисунку расплзлась трещина лака. Мисс Россер же никак не могла оторвать взгляд от огня, который как изголодавшийся бедняк, быстро поедал деревянный пол, и увеличиваясь в объеме.

– Мистер Уанхард! – кричала девушка. – Пол горит!

Но проблема была решена быстрее, чем разрасталась. Резко в кабинете мужчины повисла тишина, после того как тот, схватив с подоконника вазу, вылил её содержимое на пол. На обгоревшем полу лежали багряно-красные, как кровь на картинах распятья, розы на длинной шипастой ножке. Мисс Россер смотрела на них, понимая, что сил в ней практически не осталось, а плакать на глазах мужчины ей совершенно не хотелось. Подхватив юбки своего платья, она выскочила из кабинета и почти бегом, спотыкаясь за подол, направилась к своим покоям, желая, как можно скорее скрыться с чужих глаз.

Открыв дверь и оказавшись в стенах своей небольшой гостиной, она увидела Сиду. Он стоял у угла с колонной из белого камня, из-под чёрного капюшона было видно только его тонкие, чуть скошенные, белые губы на точно таком же белом лице. Он спрятал руки в рукава и просто стоял, ожидая возвращения хозяйки.

– А ну, иди сюда! – выкрикнула мисс Россер, широкими шагами преодолев комнату.

Она знала, что заставить мужчину говорить будет сложно, ко всему, внутри неё горела такая ярость, что маленького уродливого слугу хотелось жесточайшим образом наказать. Ее рука проскользнула под капюшон и схватила мужчину за ухо. Тот, зашипев от боли словно дикая кошка, подчинился её резкому движению.

– Рассказывай! Что за слухи ходят про меня по поместью? – и мисс Россер потянула мужчину за ухо, но тот позволил себе в ответ лишь шипение и почти неслышное сопение. – А ну, говори! Мелкий уродец! Кто вчера был в моей комнате, когда я мылась?

– Слухи про Вас рассказывают разные, мисс, – шипел Сид, выворачиваясь из рук девушки, – и почти все знает мистер Уанхард, но он никаким не верил. Его оскорбил лишь один слух, что якобы Вы влюблены в другого. Мисс, прошу, мне больно!

И мисс Россер отпустила его ухо. Словно упавший мешок мужчина отстранился от девушки и поправив свой капюшон, спрятал свои руки в рукава.

– Кто вчера был в моей комнате? – спросила девушка. – И почему ты вдруг прячешь руки?

– Мисс Вуд сказала, мисс, что мои руки похожи на куриные лапки, – ответил мужчина, – и я вчера весь вечер думал об этом, неужто я и правда так уродлив?

В этот момент мисс Россер совсем забыла про свой гнев, глядя на мужчину уже совсем по-другому.

– Не слушай её, Сид! Это она от зависти! У неё-то нет прислуг, вот она и пытается принизить тебя! – отвечала мисс Россер, понимая, какое удивительное сходство рук Сиды и куриных лапок. – У тебя самые обычные руки, у всех такие!

– Нет, мисс, на свете были руки, рядом с которыми мои действительно куриные лапки, добрые и ласковые. Ваша мать никогда не наказывала меня! – с теплотой в голосе говорил мужчина.

– Мама была особенной, тут не поспоришь, – согласилась мисс Россер, – только скажи мне, кто же был в тот вечер в моей комнате?

– Мисс Миллсон, – ответил ей мужчина, – девушка, брюнетка, что все время с мисс Вуд, в зелёном платье.

– Как она попала сюда? – спросила мисс Россер.

– Сегодня утром я узнал, что она заплатила одной из служанок, и та провела её к Вам, – ответил Сид, нервно дергая свои рукава.

– Что им было нужно? – мисс Россер уже устала стоять, наклонившись к слуге, поэтому сел на софу, что стояла рядом.

– Собрать компромат, мисс, – ответил мужчина, – все они теперь знают, что Вы любите мистера Уанхард.

– Я люблю мистера Уанхард? – усмехнулась мисс Россер, не веря собственным ушам.

Боясь наказания вновь, мужчина задрожал и сделал боязливый шаг назад, не смея выглянуть из-под капюшона.

– Мисс Миллсон говорила сегодня утром с мисс Вуд, а я подслушал, что Вы, принимая ванну, думали о нем. Они сделали этот вывод по Вашей фразе: «Его глаза», которую, как заметила мисс Миллсон, Вы произнесли с теплом и чувством, – говорил мужчина.

– Что ж это за мисс Миллсон такая!? – злобно спросила саму себя мисс Россер и поднялась с софы. – Нужно решить, что сообщить отцу!

Сид был оставлен в покое, и он, прижав больное ухо к голове, остался в темном углу комнаты, наблюдая, как его хозяйка, развернув бумагу и окунув перо в чернила, думала, что написать отцу. Шапку письма в виде приветствия мисс Россер написала сразу, но все остальное она не знала, как подать.

«...Мне искренне жаль подводить Вас, отец. Я знаю, как много значил для Вас мой удачный брак, но, к сожалению, ему не суждено состояться. Мистер Уанхард убежденный в правдивости слухов, что распускают завистницы претендующие на роль его жены, не станет брать меня в законные жены. Простите меня, отец, что из-за меня страдает репутация нашего рода.» – тут она остановилась, переводя дух и бросив взгляд на слугу, который выглядел как недоношенный ребёнок, завернутый в чёрную тряпку. – «Я зря обманулась, считая, что мистер Уанхард понимает, что те девушки не более чем фанатично настроенные беглецы от финансовых проблем. Я проиграла, отец! Простите меня».

Письмо получилось слишком живым, и мисс Россер понимала, что эмоции в нем не понравятся её отцу, но как написать иначе, когда её всю насквозь проедают обида и разочарование, она не знала.

– Каким-то образом мне нужно оставаться сильной, – вслух произнесла мисс Россер.

Сид ничего не ответил, и девушка перечитала письмо еще раз, думая, что она может отредактировать. Но ей на это совершенно не хватало сил. Она отложила бумагу и ушла в спальню, позволяя эмоциям вылиться слезами. Растирая по лицу потекшую косметику, девушка дошла до постели и легла на неё, роняя капли своей печали на покрывало.

За окном, поддерживая ее внутреннюю печаль, шел дождь. Изредка били молнии куда-то в поле, где сегодня ничего не было видно из-за густого тумана. От роз в саду остался только куст с зелеными листьями и колючими шипами, а в роще, по которой не так давно гуляли мисс Россер и мистер Уанхард, переливаясь через корни водопадами стекали ручьи дождевой воды, размывая землю и унося с собой потоки грязи. Мистер Уанхард в это время стоял у окна своего разрушенного кабинета, потирая себе плечи. Он был расстроен, но не мог понять, чем. Что-то пожирало его изнутри, но он мог только вглядываться в туманную даль, и даже не шуриться,

когда были вспышка молнии. Слова мисс Россер продолжали звучать в его голове, и он помнил ее испуганные зеленые глаза, готовые в любой момент наполниться слезами. Он перевел взгляд на прожжённый пол, и ему стало стыдно – он заставил испугаться её. Но при этом он не мог смириться с мыслью, что девушка, которой он хотел отдать всё, что имеет, на самом деле влюблена в неизвестного ему Лондонского джентльмена. Это казалось, способно свести с ума, но он не мог позволить этому произойти, поэтому оставив мысли о девушке где-то на заднем плане своего сознания, вновь сел за свой стол и взял в руки бумаги. Не успел он даже приглядеться к словам и успеть поймать смысл читаемого, как в дверь громко и резко постучали, и между косяком и приоткрытой дверью появилась смешное круглое лицо с большими розовыми щеками, над которыми со странными косами и локонами была прическа из ярких рыжих волос. Девушка улыбнулась мистеру Уанхард:

– Можно мне пройти? Вся усадьба стоит на ушах! Все так переживают, что у Вас случился пожар! Небось, Вы уронили свечку? Ведь камина у Вас нет, неоткуда было убежать искре!

И она вошла в кабинет, раскрыв веер и начав им покачивать. Она очень внимательно рассматривала стены и картины, часы, но по ее взгляду было видно, что ничто здесь не могло по-настоящему привлечь ее интереса. Она осмотрела картину «Неравный брак», а потом перевела взгляд на мужчину:

– Очень знакомая картина! – говорила она. – Это Вивальди?

Образования никакого мисс Вуд и ей равные не имели, всё, что когда-то смогли позволить их родители, – это отдать их в церковную школу, а порой они сами учили своих детей. Мужчины учили счету и тяжёлой работе сыновей, а женщины – готовке, уборке, шитью учили своих дочерей. Мисс Вуд была девушкой крестьянских кровей, мечтающей вырваться из небольшого дома своего отца, в котором проживала со своим старшим братом. Она понимала, что с момента смерти родителей, сама она останется без крыши над головой, так как по правилам общества, именно ее брат вступит в наследство дома. Для мисс Вуд и для других таких же девушек играло огромное значение удачное замужество. Мистер Уанхард это знал, и видел их насквозь, не желая верить в то, что мисс Россер действительно любит другого.

– Нет, мисс Вуд, – ответил ей мужчина, пытаясь быть как можно более дипломатичным, – Вивальди знаком нам как представитель итальянского скрипичного искусства, а перед нами сейчас висит картина Василия Пукирева «Неравный брак».

– Она кажется такой грустной, – заметила мисс Вуд, и мужчина согласно кивнул, – да, это действительно так. Именно это и задумывал автор, ведь она, молодая и красивая, должна выйти замуж за старого, но, вероятно, богатого.

– Неужели это способно так расстроить? – спросила мисс Вуд, переводя взгляд на мужчину. – Ведь он богат.

– Но она хочет быть женой человека, которого любит, – ответил мистер Уанхард удивляясь искреннему непониманию девушки.

– Но он ведь стар, – мисс Вуд слегка качнула плечами, – он умрет, а у нее будут его деньги. Побудет вдовой какой-то период, а потом выйдет замуж за того, кого ей угодно.

– Из Ваших уст это звучит так просто, – заметил мистер Уанхард, вглядываясь в лицо девушки.

В ответ мисс Вуд, видимо решив, что это был комплемент попыталась обворожительно улыбнуться, а потом снова заговорила, расхаживая по кабинету и рассматривая последствия срыва мистера Уанхард.

– Так что же здесь у Вас произошло? Вы, вероятно, решили разорвать помолвку с мисс Россер из-за того, что она практически отдана другому?

Мистер Уанхард почувствовал раздражение, но, опустив взгляд и глубоко вдохнув, надеялся, что разум его прояснится, и снова посмотрел на девушку.

– Мисс Вуд, Вы столь любопытны, – заметил он, усмехаясь, но при этом не испытывая легкости. Он не мог позволить себе грубить мисс Вуд, так как боялся за свою репутацию.

– Любопытство не порок, – с улыбкой ответила девушка и прошла к столу мужчины, быстрый и цепким взглядом осмотрев все бумаги, что на нем лежали.

– Мисс Вуд, – чуть более строго заговорил мистер Уанхард, – я понимаю, что Вы хотели бы моего внимания и обсудить случайное возгорание моего пола, потому что я уронил свечу, но сейчас не лучшее время. Я работаю.

– Простите, мистер Уанхард, – ответила девушка, растерявшись и поправляя свои перчатки, – я полагала, что Вы будете рады нашей беседе.

– Конечно, но как-нибудь в другой раз, – ответил мужчина, – я работаю.

– О, да, мистер Уанхард, я прекрасно это понимаю и больше не посмею Вас отвлекать, – заговорила девушка, двигая головой резко и отрывисто как птичка, заставляя свои волосы качаться, – я понимаю, что Ваши обязанности, как хозяина этого поместья, очень важны. И Вы поразительный мужчина! У Вас получается содержать всё это огромное поместье! Сколько, наверное, бумаг Вам приходится рассматривать и сколько писем читать и отвечать на них! Страшно представить! У меня, наверное, уже бы закружилась голова!

Мисс Вуд не останавливалась при этом, используя самую приятную, по ее мнению, улыбку, а мистер Уанхард пытался держать себя в руках.

– Тогда советую скорее Вам отсюда убежать, пока Вы не увидели то количество писем, что я читаю, – ответил ей мужчина.

– Жаль, что сегодня погода не балует, – вновь заговорила мисс Вуд, – мы могли бы пойти прогуляться в сад. Я в первый же день заметила, какой прекрасный розарий Вы разбили у себя в поместье, мистер Уанхард.

– Да, очень жаль, что сегодня ливень, – ответил мистер Уанхард, – но боюсь, что я не смог бы отложить свои дела. Они безотлагательны, поэтому я бы хотел, чтобы меня никто не отвлекал.

– Да, я понимаю, – ответила мисс Вуд, – тогда я лучше займу беседой кого-нибудь из гостей Вашего поместья.

– Мисс Миллсон, например, – ответил мистер Уанхард, – я заметил, без Вас она скучает!

– Да, Вы правы, – девушка кивнула, – я направлюсь напрямиком к ней!

– Отлично, мисс Вуд, – ответил ей мужчина, и девушка, явно не желая заканчивать разговор еще пару секунд потопталась на месте, ища тему, которую можно было бы развить, но такой не было, поэтому, тяжело вздохнув, мисс Вуд поджала губы и покинула кабинет. А мистер Уанхард смог спокойно заняться своей работой.

Мисс Россер не хотела вставать с постели, так как её окончательно покинули силы. Мистер Уанхард казался ей предателем, и изнутри её выжигали дикая злоба и обида. По лицу стекали слезы, и она думала только о том, как она смогла себе позволить, чтоб успевшая зародиться симпатия ослепила её. Она не могла поверить, что сейчас плакала от разрушающей её горечи от мужских слов. Письмо отцу осталось недописанным и оставленным на столе, и мисс Россер не хотела вновь возвращаться к нему, так как осознание собственного проигрыша и предательства мистера Уанхард приносили ей колоссальную боль.

Она услышала тихий шорох, и вольно оторвала голову от подушки, увидев сквозь пелену слез Сида, завернутого в свой черный балахон. В руках он держал стакан с водой, и из-под опущенного капюшона выглядывали его бесцветные глаза.

– Мисс, – проговорил он с явной настойчивостью в голосе, – нам нужно собраться с силами. Падать и рыдать разве свойственно Россер? Я принес Вам воды, мисс, и мы вместе напишем письмо Вашему отцу, я за столько лет научился подавать правильно ему неприятные новости.

– Ох, Сид, – тяжело вздохнула девушка, вытирая ладонями слезы со своего лица, – спасибо.

Мужчина подал ей стакан, и она залпом его выпила. Выдохнув, она поправила волосы, тихо шмыгнула носом, через который из-за слез стало невозможно вдохнуть и поднялась с кровати.

– Когда допишем письмо, будем собирать вещи, – проговорила девушка, возвращаясь к письменному столу, – я послала мистера Уанхард к чертям.

Мужчина в ответ тяжело вздохнул.

– И так, что мы пишем отцу? – спросила мисс Россер, доставая новый лист и окуная в чернила перо.

«Многоуважаемый отец,

С огромным огорчением спешу сообщить Вам, что моя помолвка с мистером Уанхард, к сожалению, расторгнута. В моих планах вернуться домой в ближайшее время.» – тут Сид остановился, собираясь с мыслями. – «Это было решением мистера Уанхард, и при личной встрече я могла бы рассказать, что заставило его передумать. Я отдала приказ Сиду собирать мои вещи, и завтра утром мы покинем поместье мистера Уанхард. Мне жаль, что приходится расстраивать Вас, отец, столь неожиданными вестями. Надеюсь на Ваше понимание и снисходительность, так как я приложила максимум усилий, чтобы Вы могли гордиться мной и моим удачным бракосочетанием, но обстоятельства складываются так, что я вынуждена расстаться с мистером Уанхард и вернуться в Лондон. Ожидайте меня, надеюсь на теплым прием.».

– И подпись, – закончил диктовку Сид, – не забудьте поставить дату, чтобы Ваш отец точно знал, когда было написано письмо.

– Я бы никогда не написала что-то подобное, – ответила девушка, обращившись к слуге, – и я удивлена, что ты умеешь так хорошо формулировать мысль.

– Вы девушка, мисс Россер, так еще и совершенно юная, – ответил ей мужчина.

– Спасибо, что помог мне написать письмо, – сказала мисс Россер, – ты же его отправишь?

– Как скажете, мисс, – мужчина кивнул.

Мисс Россер запечатала письмо и отдала конверт мужчине, мысленно собирая свои вещи в сундуки и чемоданы. Свои туалеты она убрала в деревянный сундук, который Сид перевязал бечёвкой, а перчатки, шляпки, вуали, шарфы и платки мисс Россер сложила в чемодан. В дорогу она решила одеться скромно, поэтому на софе оставила темно-зеленое платье с золотой бахромой и жакет выполненный из кашемира темно-зеленого цвета с золотым узором. Она хотела одеться скромно, но так, чтобы подчеркнуть свои зеленые глаза и выразительность черт лица, чтобы, прощаясь с ней, мистер Уанхард задумался о том, какое же ангельское создание он теряет, пусть мисс Россер до ангелов было столько же далеко, как и самым настоящим адским созданиям.

Игнорируя колокольчик у входа в покои, мисс Россер не явилась на обед, а затем и на ужин. Ей было уже всё равно, что думают о ней те, ко присутствовал в столовой, и даже когда мистер Уанхард послал за ней слугу, она вежливо отказалась присоединиться к общей трапезе по причине своего самочувствия. Голодать не входило в планы девушки, потому Сид приносил ей подносы с чаем и печеньем, которые мисс Россер заказала на кухне.

Ближе к вечеру, выглянув в окно, за которым всё так же периодически шел дождь, мисс Россер поняла, как сильно хочет домой, пусть её и пугал сложный разговор с отцом и его упреки. Она уже видела светлые стены своей спальни и занавески на окнах, желая вдохнуть аромат мыла из экстракта сирени, что лежало среди расчесок и гребешков на ее туалетном столике. А солнечный свет, проникающий сквозь широкие окна, освещал ее светлое лицо в большом зеркале в белой деревянной раме. Стены были приятного персиково-розового цвета. Она слышала бой Биг-Бена, а ее экипаж, подскакивая на брусчатке, уже мчался по мосту через

Темзу. Шумный, живой Лондон был ее домом, и она скорее хотела оказаться среди его привычной суеты. Каменные старые дома и дома немного новее разрастались в разные стороны от центра города, выше их крыш виднелись пики церквей и соборов готической эпохи. А дом мисс Россер считался самым большим, построенным в стиле регентства, и располагался почти на самом краю города, куда суматоха Лондона не всегда могла добраться. Она вспомнила вывески «Танцы» в центре города, натянутые на всю кирпичную красную стену, в надежде привлечь посетителей, а напротив магазин с выпечкой, часами и перчатками.

– Ужасная погода, – проговорила мисс Россер, глядя в окно, – началась осенняя хандра!

– Может Вы хотите еще чая? – спросил Сид, желая налить ей в чашку еще немного.

– Нет, спасибо, – ответила девушка, бросив взгляд на слугу, – я боюсь потом не уснуть, а утром нам в дорогу.

– Как скажете, мисс.

На утро за окном показалось тусклое низкое солнце, шепчущее, что лето ушло безвозвратно. Прохладный ветер, качнувший занавеску на окне, проник в комнату, и мисс Россер заметила, что он пахнет осенью. Тёплые дни остались позади. Дождь размыл землю, и та стала похожа на липкую коричневую массу, расплзающуюся в разные стороны. Сад больше не выглядел привлекательно, а от роз ничего не осталось кроме колючих кустов, теперь напоминающих терновник. Листья с них оборвал ветер, и теперь ими была засыпана вся придомовая территория. Сквозь облака не было видно неба, и в воздухе чувствовалась тяжёлая влажность.

Мисс Россер отдала приказ спустить её вещи в экипаж, который уже ждал её у входа в усадьбу, а сама в это время боролась со своим желанием зайти к мистеру Уанхард в кабинет. Она держала в руках уже осенние перчатки и смотрела в конец коридора, откуда лестница вела к кабинету мужчины. Уехать и не сообщить об этом хозяину поместья было бы неправильно, но и видеть его ей не хотелось – она боялась, что не выдержит и покажет свои слёзы. Но этикет и правила приличия важнее всего, поэтому надев свои кожаные коричневые перчатки и поправив шляпу, она направилась к лестнице.

Она не знала, о чем думал мужчина, когда она оказалась у порога его кабинета. Тяжёлая дубовая дверь была открыта, и мистер Уанхард стоял к ней спиной, нервно вчитываясь в жёлтое письмо. Он был так увлечён им, что не услышал движения мисс Россер.

– Сер, – обратилась она, и мужчина испуганно обернулся, превращая письмо в руках в смятую бумажку, – простите, мистер Уанхард, я зашла попрощаться.

– Вы уезжаете, мисс? – спросил мужчина.

– Да, вчера я отправила письмо отцу о том, что наша помолвка расторгнута, и он ждет меня дома, – ответила мисс Россер, кивая и не отводя глаз от мужчины. Тот в ответ понимающе закивал.

– Я должен Вас проводить, – заговорил мужчина, убирая смятое письмо под остальные документы на своем столе, пряча его скорее от себя, в надежде вернуться к нему не скоро.

– Простите мое любопытство, мистер Уанхард, но от кого это письмо? – спросила мисс Россер, надеясь, что он не воспримет ее слова оскорбительными и сможет дать ответ. И мужчина, тяжело вздохнув, и покидая свой кабинет, закрывая за собой дверь, ответил:

– Я обратил внимание, мисс Россер, что Вы чрезмерно любопытны, – говорил он, когда они направились по коридору к лестнице, – даже в гости Вы ко мне пожаловали именно из-за любопытства.

Это был самый узкий коридор всей усадьбы, так как здесь практически не было помещений, жители поместья обычно здесь не бывали, кроме самого мистера Уанхард и его прислуг. Интерьер был скромным и выдержанным в одной цветовой гамме, а на окнах висели одинаковые белые легкие занавески, за которыми скрывались виды бесконечных полей.

– Я бы сказала Вам, что любопытство не порок, – мисс Россер усмехнулась, видя, как мужчина в ответ на эту фразу брезгливо сводит брови, – но эта моя черта характера. Да, я

очень любопытна, но сейчас я больше обеспокоена, потому что я видела, с какой тревогой Вы читали это письмо.

– Мне приятна Ваша забота, мисс Россер, – отвечал мужчина, и они начали спускаться вниз по лестнице, – и раз Вы так беспокоитесь, я скажу Вам от кого было письмо, и даже поделюсь его содержанием.

– Мистер Уанхард, если это была личная переписка о чем-то Вам болезненном, то я не настаиваю, – говорила девушка. Она шла впереди мужчины, держа юбку своего платья, чтобы видеть ступени и при этом всё время оборачиваясь на мужчину, чтобы видеть выражение его лица. Она понимала, что отклик на свои слова увидит именно в движении его бровей и губ.

– Вы всё же моя несостоявшаяся невеста, – мужчина пожал плечами, глубоко вздохнув, – и мы с Вами, как мне казалось, нашли общий язык.

– Если я Вам негодна в жены, мы могли бы оставаться хорошими друзьями, а с друзьями обычно делятся переживаниями, – ответила мисс Россер и заглянула мужчине в глаза.

Это был он, мистер Энтин Уанхард, в бирюзовых глазах которого читалась все та же слепая влюбленность в мисс Россер, а у самой девушки, казалось, было готово остановиться сердце, когда она позволила себе заглянуть в бездну лазурного моря. Она почувствовала слабость в ногах, а глаза предательски защипали слезы, и она поспешила увести взгляд.

Мистер Уанхард, как красив он был, и как теперь близок мисс Россер. Она не могла поверить, что ее сердце, никогда не знавшее тепла и привязанности, сейчас рвалось на части при виде мистера Уанхард и мысли, что она уезжает навсегда.

– Вы правы, мисс Россер, – отвечал ей мужчина, – придется теперь регулярно писать письма в Лондон...

Мисс Россер усмехнулась и посмотрела мужчине в лицо:

– Ну так поделитесь с другом, от кого же то письмо? – говорила она с улыбкой.

– Мой брат прислал мне его, из Шотландии, – мистер Уанхард стал угрюм, и девушка перестала улыбаться, – он написал мне, что отец в гневе от того, что я разорвал помолвку.

– Вы сообщили об этом отцу? – удивилась мисс Россер.

– Не я, – мужчина покачал головой, – Иридия.

– Ваша сестра? – спросила девушка, и они уже дошли до широкой парадной лестницы, на которой состоялся ее первый разговор с женщиной. Широкая лестница с темными деревянными перилами вела прямо к огромным дверям на подъездную аллею.

– Да, она сказала отцу, что я...

– Что он не смог противостоять провокационным слухам, – позади послышался мелодичный и приятный женский голос, и обернувшись мисс Россер увидела мисс Уанхард. Несмотря на то, что было раннее утро, выглядела она шикарно, стоя в белом пышном платье, украшенном жемчугом. Она была похожа на невесту, так как юбка платья была в несколько ярусов, и верхние были сделаны из блестящего фатина. Волосы она убрала на затылок, закрепив их заколкой, а на лице лежал приятный, светлый макияж.

– Доброе утро, мисс Уанхард, – проговорила мисс Россер, и та в ответ легко качнула головой в приветствие.

– Сестра, что ты тут делаешь? – уставшим голосом спросил мужчина, и та с широкой улыбкой ответила, словно она злорадствует или ехидничает:

– Я узнала, что мисс Россер покидает твоё поместье и решила тоже с ней попрощаться, – потом она тихо хмыкнула и продолжила, – мне очень обидно, что столь прекрасная девушка так и не станет моей родственницей.

– Иридия, ты как обычно в своем репертуаре, – ответил мистер Уанхард, пытаясь не закатить глаза, и было видно, что удастся ему это с огромным трудом, – ты копия наш отец, потому он и любит тебя сильнее всех.

– Перестань, братец, – девушка широко улыбалась, подходя к брату, – ты же знаешь, я не хочу тебе ничего плохо, – а потом она перевела взгляд на девушку, – не слушайте его, мисс Россер, я хорошая сестра.

– Да, столь хороша, что не дала поговорить мне с отцом самому, и просто пожаловалась на меня ему, – строго проговорил мистер Уанхард, и девушка сжала губы, не зная, что на это можно ответить.

Втроем они спустились к выходу и оказались на улице. Экипаж мисс Россер был уже готов к дороге, и Сид стоял возле него в ожидании хозяйки, не показывая ни кусочка своей кожи, словно кто-то забыл у колеса повозки черный мешок с неизвестным содержимым. Мисс Уанхард, заметив черную ткань, незаметно улыбнулась и заговорила:

– Ваш слуга очень стеснителен, неужели он никогда не показывает своего лица?

– Его зовут Сид, и он обычно прячется, – ответила мисс Россер, осматриваясь вокруг.

Земля еще не просохла, ветер был холодным, а сквозь одеяло из тяжелых туч пробивался тусклый солнечный свет.

– Что ж, мне пора отправляться в путь, – выдохнула девушка, оборачиваясь к брату и сестре, – я была рада посетить Ваше поместье, мистер Уанхард. Вы являетесь хозяином удивительного места, у Вас здесь очень красиво, и меня приятно удивил Ваш розарий, к сожалению, от которого из-за натиска погоды, ничего не осталось. Но я надеюсь приехать сюда следующим летом, или, возможно, даже раньше, на Вашу свадьбу и застать розы цветущими.

– Спасибо мисс Россер за столь приятный отзыв о моем поместье, – отвечал мужчина, улыбаясь, – я рад, что Вам понравилось у нас.

В этот момент двери в усадьбу открылись, и на улицу вышел мистер Мак-Дугал, который растерянно смотрел на мисс Россер, а потом перевел взгляд на мистера Уанхард.

– Так это правда? Я считал, что это не более чем провокационные слухи, что помолвка разорвана! – говорил он, проходя к хозяину поместья, а потом снова перевел взгляд на мисс Россер. – Значит, Вы действительно покидаете нас?

– Да, боюсь, что это действительно так, – ответила девушка.

– Мне очень жаль, мисс Россер, – мужчина поджал губы, медленно качая головой и опуская взгляд, – я был уверен в Вашей паре, но я буду надеяться, что время всё расставит по местам.

– Я тоже буду на это надеяться, – проговорила Иридия Уанхард, – я знаю теперь, о чем молить Господа, чтобы Вы обязательно стали здесь хозяйкой.

– Иридия, – снова устало повторил мистер Уанхард, а девушка, словно чувствуя его раздражение, пыталась удержать насмешливую улыбку.

– Мне было очень приятно со всеми Вами познакомиться, – говорила мисс Россер, – теперь мне пора, – и она посмотрела в сторону своего слуги, – Сид, ты можешь садиться в экипаж.

Слуга молча кивнул и подчинился, и девушка проследовала к экипажу следующей. Лакей помог ей подняться по ступенькам и сесть на сидение, поправив подол платья, чтобы оно ни за что не зацепилось.

– Всем до свидания! – мисс Россер махнула рукой всем троице.

– До свидания, мисс Россер! Не забывайте нас! – мисс Уанхард так же махнула рукой в ответ, и экипаж тронулся.

Покачиваясь и прыгая на камушках, он направился к воротам поместья, и девушка, поправив ворот своего жакета, надеялась, как можно скорее попасть в родной Лондон, который сейчас шумел как улей. Она так хотела домой, пусть там был, она знала, разгневанный отец, готовящийся наказать её, но она хотела почувствовать покой своей комнаты, где никто не станет подкупать слуг и следить за ней в ванне, где никто не будет распускать слухов. Окончательно распрощавшись с мыслью о том, что она жительница поместья мистера Уанхард, она

решила обернуться назад, чтобы убедиться в реальности усадьбы, и что это не было длинным и странным сном. Каменные, светлые стены тянулись ввысь на четыре этажа, а на южной и северной стороне упирались в небо башни, с которых было видно все поместье мистера Уанхард. Стекла в окнах были серыми, отражая мрачное небо, и у огромных парадных дверей мисс Россер увидела фигурку в розовом платье и с яркими рыжими волосами. Мисс Вуд вышла на улицу, вероятно, ликуя от осознания своей победы.

В этот момент гнев охватил душу мисс Россер, и она была готова заставить лакея вернуться обратно к стенам усадьбы, так как проигрывать было для девушки слишком болезненно, но Сид решил вмешаться, заметив её перемены в настроении.

– Мисс, – из-под капюшона стали видны два бесцветных глаза и белый нос, самый кончик которого отдавал легкой синевой, – Вам не из-за чего переживать. Вы поступили правильно.

– Думаешь? – спросила девушка, переводя взгляд на слугу.

– Поверьте мне, – он кивнул и снова скрылся под капюшоном.

Девушка тяжело вздохнула и отвернулась от стен усадьбы, надеясь, что, когда в следующий раз она решит посмотреть назад, стен поместья уже не будет видно.

Глава 4. Немой крик о помощи

Лондон. Милый, любимый Лондон встречал её шумом и палящим солнцем. Нещадные солнечные лучи обжигали брезент экипажа, поэтому внутри стало жарко. По брусчатке, подпрыгивая, мчались экипажи, а лошади, громко фыркая, бежали вперед подгоняемые лакеями. Раздался свисток констебля, требующего пропустить дам в широких пышных платьях, желающих перейти дорогу. Они были в тонких шляпках, бросающих на их лица тень, в руках они держали летние зонтики и множество разноцветных пакетов из шляпного магазина, из пекарни, из магазина туфель и еще откуда-то. Шумный Лондон так отличался от Вустершира, что Глэдис невольно широко улыбнулась, радуясь, что она вновь в шумном и любимом, родном и живом Лондоне. Сид, сидящий рядом, невольно поднял на хозяйку глаза, так как она совершенно изменилась, когда под колесами экипажа застучала брусчатка и через открытое окно почувствовался запах грязной Темзы.

Только сейчас, вновь оказавшись в Лондоне, Глэдис вспомнила главное различие этого города и провинции. Лондон, Центр Англии – коктейль из сословий, рас, и готовящийся взорваться революцией рабочего класса, требующего достойных условий для жизни, в то время, когда в графствах текла мирная, спокойная жизнь. Она была по-особенному приятна. Но Глэдис с восторгом смотрела в окно, видя дам, одетых по последней моде, и джентльменов в черных камзолах с густыми бакенбардами или с идеально выбритыми лицами, или с шикарными усами.

Её дом стоял в районе Гринвич, и эти белоснежные стены с шикарными колоннами и широкими окнами жители Лондона ласково называли Нерис-Хаус из памяти по покойной матери Глэдис, пусть в свое время дом назывался совершенно иначе, и даже на табличке у парадного входа было написано другое название. Три этажа, покатиная металлическая крыша, металлический забор вокруг дома, и пусть скромная подъездная аллея, но украшенная клумбами цветов у самых стен первого этажа с мягкой землей и цветущими маргаритками, анютиными глазками и петуньями. Летом дом казался олицетворением мягкой женской руки и нежности, поэтому горожане прозвали дом женским именем, обладательница которого была при жизни самой настоящей леди. Колонны были широкими, украшенными у самой крыши каменными веточками, листочками и завитками, а над парадным входом гостей встречало личико молодой девушки, а по бокам в передней стояли два мраморных льва.

Сейчас, для современного стиля в Англии, этот дом казался устаревшим и совершенно безвкусным, но Глэдис любила Нерис-Хаус, так как это был дом ее детства, где все напоминало ей о матери.

Когда экипаж остановился на подъездной аллее, Глэдис выглянула в окно и увидела, что встречает ее только прислуга. Экономка миссис Джонс и ее камеристка мисс Хоггард.

Миссис Джонс всегда носила на своем поясе тяжёлую связку ключей, которая с каждым годом становилась всё объемнее. Она работала на мистера Россер долгие годы, а её муж мистер Джонс, работающий в этом доме, был одним из лакеев. У них были дети, но воспитывались они в церковной школе Святой Троицы и редко видели своих родителей, иногда приезжая в дом мистера Россер. Он позволял им гостить какой-то период, и это заставляло мисс Россер приходиться в недоумение. Её огорчал факт, что мужчина любит собственную дочь меньше чем чужих детей, и к ним он был значительно добрее, позволяя себе периодически их баловать. Мисс Россер успокаивала себя мыслями, что её отец так добр лишь из-за того, что дети супругов Джонс гости дома, и воспитание не позволяло ему вести себя иначе.

Женщина стояла на самой нижней ступени у входа в дом, улыбаясь приехавшей мисс Россер. Волосы ее светло-русого цвета были скреплены на самой макушке, но этого было не

видно, так как на голове был белый чепчик. Руки она держала на животе, натянув ткань своего платья.

Мисс Хоггард стояла на подъездной и улыбалась шире, явно счастливая от факта возвращения своей хозяйки. Когда мисс Россер родилась, её мать была обеспокоена мыслью о будущей камеристке своей дочери, поэтому взяла девочку из сиротского приюта, которой дала имя и работу и воспитала ее. Нерис хотела, чтобы они были подругами и воспитала ее быть не только камеристкой её дочери, но и подругой. Мисс Хоггард не носила форменную одежду, наряд ее был аккуратным, но гораздо скромнее чем у Глэдис. Она обладала заурядной внешностью и на фоне своей хозяйки была серой мышкой, высокой и болезненно худой. Кожа на ее скулах казалась серой и сухой. Пальцы, тонкие, длинные всегда холодные. Длинные, с легкой волной пепельно-русого цвета волосы переливались на солнце серебром. А глаза, крупные, ярко голубые, но не столь яркие как у мистера Уанхард. Слуги беспрекословно ей подчинялись, но для мистера Россер она была такой же прислугой как и все другие.

Экипаж остановился, и мисс Россер поспешила из него выйти.

– С возвращением домой, мисс Россер, – говорила миссис Джонс, – пусть мы и удивлены Вашим столь ранним возвращением. Ваш отец не так давно ликовал, что Вы выходите замуж, и собирался ехать к Вам, но Вы вернулись.

– У Вас что-то случилось, Глэдис? – спросила мисс Хоггард, глядя своей хозяйке в лицо.

– Вам обеим не из-за чего переживать, – ответила мисс Россер, – где сейчас мой отец?

– После завтрака он не выходил из своего кабинета, – ответила миссис Джонс.

– Вы пойдете к нему? – спросила мисс Хоггард, явно испытывая беспокойство.

– Нужно сообщить, что я вернулась, и, я уверена, он захочет со мной поговорить, – отвечала мисс Россер, а в то время лакей разгружал экипаж. Сид же контролировал процесс, прося быть аккуратным с вещами хозяйки.

– Я могу пойти с Вами и дождаться Вас у кабинета, – предложила мисс Хоггард.

– Да, спасибо, Лаурель, – согласилась мисс Россер с лёгким кивком, – мне нужна будет поддержка.

Вдвоем они направились в дом, а миссис Джонс осталась на улице отдать последнее распоряжение слуге отнести вещи мисс Россер к ней в спальню.

Мисс Россер и мисс Хоггард прошли внутрь, и с улицы послышался громкий и строгий голос миссис Джонс, что звала прохлаждающихся слуг приступить к работе.

Изнутри дом совершенно не изменился. Те же лампы, ковры и картины. Этот же привычный уют, который когда-то создала миссис Россер, а слуги дома из года в год его поддерживают. Отец девушки ничего в доме менять не хотел, и она понимала, что это только из-за глубоких чувств к своей покойной жене и желание сохранить воспоминания о ней как можно дольше. Вдвоём девушки прошли через весь первый этаж через небольшой холл с диванами цветами и вышли в коридор к двери в кабинет мистера Россер.

Глубоко вздохнув, девушка пыталась собраться с силами, но сделать это никак не получалось. От ужаса, который внушал ей отец, по коже, казалось, поползли мурашки, и тело бросило в мелкую дрожь. В голове с бесконечной скоростью сменялись мысли, и она не знала, как обратиться к отцу, с чего начать и чего ждать от него.

Мистер Россер был высоким плечистым брюнетом с тяжёлым взглядом глубоко посаженных почти черных глаз. Игнорируя моду, он отрастил густую темную бороду длиной два сантиметра, среди которой практически не было видно тонких губ. Он напоминал своей дочери султанов из книг с иллюстрациями в библиотеке, которую в свое время организовала миссис Россер, а турецкие мужчины, стоящие у власти, всегда отличались беспощадностью. Руки его были крупными, так и стопы, поэтому перчатки и обувь всегда изготавливалась ему на заказ. Он был скалой, огромной и неприступной, и больше всего мисс Россер боялась, когда мужчина

приходил в ярость. Она надеялась, что эти крупные тяжёлые руки никогда не позволят себе сделать ей больно.

Больше стоять у двери смысла не было, и девушка, нерешительно постучав, приоткрыла дверь и, заглядывая внутрь, прошла в кабинет.

– Отец, – обратилась она к мужчине, который, словно не заметив визита дочери, продолжил читать книгу. В его крупных ладонях книга казалось маленькой и хрупкой.

– Отец, я вернулась, – повторила мисс Россер, и мужчина низким и строгим голосом проговорил:

– Не смей со мной разговаривать.

Ужас сковал сердце девушки, и, ей казалось, оно не бьётся. Она даже думала, что не дышит – так пугал её этот мужчина.

– Позвольте мне объясниться, отец! – вновь заговорила девушка, и мужчина с силой ударил кулаком по столу, поднимая взгляд на девушку. Та была испугана настолько, что чувствовала, как хотят вырваться слезы, но не могла позволить себе заплакать.

– Объясниться? – прогремел своим почти утробным голосом мужчина. – Лучше бы он выбрал кого-то другого, чем сначала выбрал тебя, а потом расторгнул помолвку. Как ты могла позволить случиться подобному? Неужели ты совсем не понимаешь, что наша репутация и так очень хрупка, а подобные события совершенно нам не на руку.

«А Сид сказал, что я поступаю правильно!» – в гневе подумала Глэдис. – «Маленький уродец!».

– А что я могла сделать, отец? – спросила мисс Россер, чувствуя, как ее трясет. – Я чувствовала себя такой бессильной.

– Ты в первую очередь думала о своей гордости! Уверен, ты не забыла про свою прямолинейность и высказала ему всё, что думала в лицо! А теперь опозоренная ты увидишь ко мне!

– А куда же мне было ехать? – спросила мисс Россер. – Это мой дом.

Девушка стояла у самой двери. Теперь она не хотела плакать, злость захлестнула ее так, что любимые белые стены дома стали ей ненавистны. Она была готова в любой момент выскочить из кабинета и убежать как можно дальше от разгневанного отца, нащупывая за спиной дверную ручку. Мужчина был так зол, что в его глазах от эмоций полопались капилляры – белок медленно наливался кровью. Мистер Россер смотрел на дочь и всего его колотило от бушевавшей внутри злости. Он держал в трясущихся руках книгу, но о чтении её уже забыл.

– Я не могу поверить, что моя дочь может доставлять мне столько проблем! – в гневе кричал мистер Россер. – Ты была помолвлена! Что может быть скандальнее, чем известие о том, что мужчина сначала выбрал тебя, а потом выгнал из своего поместья! Тебя! Мою дочь! И ты, проигравшая и опозоренная приехала сюда, вместо того, чтобы бороться за честь нашего рода! Я просил тебя в письме беречь нашу репутацию!

– Зачем мне было вообще ехать в Вустершир? – спросила мисс Россер.

– Потому что тебе пора вступить в брак, и чем выгоднее будет этот брак, тем лучше, – говорил мужчина уже несколько спокойнее, но все равно смотря на дочь гневным взглядом.

– Дело в том, что мне не было места в этом поместье, туда съехались все безнадежные девицы Великобритании, в надежде удачно выйти замуж, именно они поспособствовали тому, что мистер Уанхард перестал рассматривать меня как кандидатуру в свои жены, так как они распускали про меня мерзкие слухи. И к черту всё! Сдался мне этот брак!? Ненавижу теперь и мистера Уанхард и всё его поместье, и всех гостей, что были там! И знаете, отец, я как могла берегла нашу репутацию, – со злобой в голосе говорила Глэдис, – может и Вам стоит начать её беречь! Самой отвратительной идеей было отправить меня в Вустершир, я была против, но Вы настояли! Вот и расхлебывайте!

Девушка говорила громко, окончательно потеряв контроль над своими эмоциями. Она была готова в любой момент сорваться на крик, развернуться и уйти из кабинета, громко хлоп-

нув дверь и вновь крикнуть: «К чёрту всё!», но не могла сдвинуться с места, словно гвоздями прибита к месту тяжелым, сердитым взглядом отца. В какой-то момент ей показалось, словно он сейчас швырнет в неё книгу. Столь хамски она никогда не говорила с ним, но никогда она не чувствовала себя такой униженной. Ту радость, которую ей подарил Лондон по приезду, она больше не испытывала. Душа ее кипела, и ей казалось, словно она ненавидит Нерис-Хаус.

– Как ты смеешь так разговаривать со мной? – строго, но спокойно спросил мужчина. – Как ты смеешь повышать на меня голос?

– Как Вы смеете, отец, ненавидеть меня за то, в чем я не виновата? – спросила Глэдис и все же вышла из кабинета, но тихо закрыв за собой дверь.

«Жаль мамы нет, она бы поняла меня!» – думала Глэдис. – «Она бы поняла нас обоих и не позволила бы нам так ругаться!».

Миссис Россер знала всё, и могла найти в любой момент подходящие слова. Как женщина она была очень умной, мудрой и была лучшим лекарством от вспыльчивости своего мужа. Она могла вернуть его к чувству спокойствия одним только взглядом, а для дочерей она была другом, защитником, врачом и могла понять их, в какой бы ситуации они не оказались, всегда принимая их сторону.

У дверей в кабинет Глэдис все это время ждала мисс Хоггард, явно испуганная и растерянная всеми криками, которые ей пришлось выслушать. Увидев свою хозяйку, побелевшую и обессиленную, она взяла мисс Россер под руку, решив, что девушка, вероятно, близка либо к обмороку, либо к рыданиям.

– Глэдис, мне очень жаль, – говорила она, – пройдите к Вам, чтобы никто не видел Ваших слез.

Девушка молча кивнула, сглатывая ком в горле и пытаясь вернуть ясность ума. Она не хотела плакать и возвращаться к мысли о том, какие козни строили ей мисс Вуд и мисс Миллсон, про которые она даже не догадывалась, пока она не допросила об этом Сиды.

Комната мисс Россер находилась на втором этаже и вход в неё прятался за небольшим стеллажом в коридоре и парой белоснежных кресел. Покои девушки были огромными, но половиной комнат она не пользовалась. У неё была своя гостиная, комната с туалетом и косметическим столиком, спальня, и небольшая комнатка в которой стояла большая эмалированная ванна, в которую вмещалось двести пятьдесят литров горячей воды. В гостиной стоял камин, в котором тихо потрескивали дрова, которые мистер Джонс принес специально, чтобы из помещений ушла влажность, появившаяся, пока в них не жила мисс Россер.

В комнатах было тепло и светло, солнечный свет, проникающий через окна создавал там особенный уют, но сейчас мисс Россер не замечала этого. Пройдя в свою гостиную, она не чувствовала ничего кроме выжигающей её насквозь злобы. Она надеялась, что письмо, написанное совместно с Сидом, поможет ей избежать трудностей в общении с отцом, поэтому ехала в родной дом с лёгким сердцем, но она ошибалась. Мистер Россер был слишком сложной личностью, чтобы хоть кому-то удалось понять его и найти к нему подход. Даже его жена, любящая его и очень мудрая женщина, не была способна до конца понять эту темпераментную и порой необоснованно жестокую личность. Когда ещё миссис Россер была жива, многие из прислуги боялись находиться с ними в одном помещении, если между ним и его женой возникало недопонимание, так как в такие моменты он мог начать рушить всё вокруг. Этим Глэдис Россер была очень похожа на своего отца, и, как часто казалось самой девушке, за это он её и презирал. Ему, вероятно, хотелось, чтобы его дочери унаследовали характер своей матери вместе с её рассудительностью, мудростью и дипломатичностью, но обе девушки были копией мужчины. Порой ему это льстило, когда они проявляли свои лучшие качества и черты, которые он узнавал в себе, а порой – ужасно злило, если свои недостатки он узнавал в них.

Мисс Россер села на диван. Она уже не плакала, но глаза её блестели от влаги. Она опустила голову и смотрела на свои руки, с которых ещё не успела снять перчатки.

– Как Вы себя чувствуете, Глэдис? – спросила мисс Хоггард, которая всё это время была рядом.

Она поправила платье и села на софу, глядя на девушку с нескрываемой жалостью во взгляде. Ей очень хотелось взять руки хозяйки в свои и заглянуть ей в лицо, поддержав и заставив вспомнить про свою внутреннюю силу, но она могла лишь сидеть рядом и ждать, когда мисс Россер заговорит.

Через открытое окно доносилось чириканье птиц, воздух уже окончательно прогрелся, и на улице больше не чувствовалась утренняя влага. Большие часы на полке над камином показывали десять утра.

– Всё хорошо, Лаурель, – ответила ей девушка через несколько минут, – просто мне жаль, что я вновь не справилась со спасением нашей репутации.

– Я уверена, Вы сделали всё, что было в Ваших силах, – ответила ей мисс Хоггард, опуская голову.

– Лаурель, я хотела бы побыть одной, – проговорила мисс Россер, и девушка понимающе закивала.

В доме воцарилась тишина. Отец девушки продолжал оставаться в своем кабинете и не соизволил прийти на обед, поэтому уже успокоившаяся мисс Россер с мисс Хоггард обедали вдвоем в огромной столовой, которая когда-то в любой праздник могла вместить в себе всех друзей семьи.

Когда миссис Россер была жива, Нерис Эйра Россер (до замужества Уинн), дом всегда был полон гостей. Требовалось много комнат для размещения жалеющих погостить подольше, было решено достроить третий этаж. Так как он был построен значительно позже чем первый и второй, лестница на него была узкая и неудобная, а сам третий этаж сильно отличался от нижних. Но гости никогда не жаловались, наоборот находя миссис Россер столь замечательной хозяйкой, сумевшей превратить холостяцкий особняк рода Россер в семейное уютное гнездышко.

Дом мистера Россер до женитьбы считался местом мрака и холода, да и мрачные слухи ходили про это злополучное место. Мистер Россер рано лишился матери, а его отец, не выдержав горя, сильно запил, медленно сходя с ума. В пьяном бреду он мог устроить погром в доме или даже попытаться убить собственного сына, но прислуга всегда защищала юного наследника и пытались усмирить своего хозяина, до того момента пока мистер Россер-старший во время очередного пьяного вечера не убил одну из прислуг. Тогда по Лондону прокатилась дурная слава этой семьи, и никто не верил, что мисс Уинн сможет восстановить репутацию белого дома на окраине города. В этом плане Нерис Россер обладала удивительной магией, она могла уговорить своего мужа в любом деле и знала к нему подход как никто другой. Когда Глэдис спрашивала об этом мать, как она может быть такой спокойной рядом с таким эмоциональным и несдержанным мужчиной, та слабо улыбалась, говоря о любви. Со слов ее матери именно любовь помогает ей.

– Понимаешь, милая, – говорила женщина, – чем громче он кричит, тем ему больнее. Он злится, кричит, рушит всё вокруг, но это лишь мольба о помощи. Ему тяжело, и всё, что он хочет, чтобы окружающие это заметили, и я замечаю это и даю ему то, в чем он больше всего нуждается.

– Что же это? – из-за наивности детского ума спрашивала Глэдис, глядя на мать.

– Любовь, милая моя! Каждый из нас нуждается в любви.

И миссис Россер всегда была добра к своему мужу, даже когда по мнению окружающих он этого не заслуживал. Каково было горе всего дома и тех, кто знал, какая атмосфера была внутри благодаря женщине, когда стало известно о её кончине. Миссис Россер упала с лестницы, ведущей с третьего этажа. Случайно, отвлекшись на что-то, что совершенно не стоило ее внимания, она наступила на подол своего платья и кубарем упала с лестницы. Шум привлек

внимание мистера Россер, и он, крича ее имя, побежал к ступеням. На голубом с серым узором ковре лежало тело его скончавшейся жены. Врач, прибывший сразу же, диагностировал перелом первого шейного позвонка.

Тогда в дом, казалось, были готовы вернуться тьма и холод. Мистер Россер запил, а воспитанием Глэдис недолго занимались нянечки и гувернантка, после чего, уволив всех, мужчина решил заняться своими дочерьми самостоятельно. Теперь строгость его и пыл усмирять было некому, теперь никто не знал, что нужно ему сказать, чтобы он смог вернуть свои эмоции под контроль. Мисс Россер понимала, что её отцу сложно без любимой женщины, но не понимала, почему он так ненавидит своих дочерей.

За обедом мисс Россер пыталась не думать о своем отце, разговаривая с Лаурель. Та внимательно слушала и по большей части задавала вопросы, так как ей было очень интересно узнать о поместье мужчины, откуда приехала девушка.

– И он выбрал Вас, Глэдис? – уточнила мисс Хоггард, поднимая глаза на хозяйку.

Мисс Россер легко рассказывала всё, что происходило в поместье, так как мисс Хоггард была одной из тех, кому можно было доверять. Она была ей хорошей подругой и камеристкой, не ставшей доносить на неё отцу, поэтому девушка могла быть открытой с ней. Ко всему ей так хотелось выговориться, что она воспользовалась любопытством девушки, чтобы всё рассказать.

– Да, Лаурель. Думаю, теперь он сильно жалеет об этом! Ну и пусть, если честно, то мне вообще все равно, но думаю, никто никогда не сделает мне предложение так же как он, ведь это была сделка чистой воды.

– Он собирался жениться, потому что на него давил отец. Это правда? – спросила мисс Хоггард, делая глоток воды из бокала и разрезая мясо в своей тарелке. Ее голубые глаза горели от любопытства, и этим девушки были особенно похожи – любопытство было их отрицательной чертой.

– Да, и, узнав про мое положение, он решил, что я подходящая кандидатура. Хотя я могла ему и понравиться!

– Конечно, Вы ему понравились! – мисс Хоггард широко и довольно улыбнулась. – Поверьте мне, ведь перед Вашей красотой так сложно устоять!

– Не льсти мне, Лаурель, – мисс Россер нахмурилась, ведь сейчас у нее не было настроения принимать комплементы, – в любом случае, то, что было дальше...

– Глэдис, я Вас прекрасно понимаю! – выдохнула мисс Хоггард. – Вы были в одном доме с огромным количеством конкуренток! Каждая хотела оказаться на Вашем месте!

– Это верно, – мисс Россер кивнула, – поэтому про меня начали распускать слухи и доносить их до мистера Уанхард, и...

– А он Вам понравился? – вдруг спросила мисс Хоггард, а потом растерялась понимая, что перебила свою хозяйку. – Простите, Глэдис. Просто Ваш приезд очень взволновал меня, и у меня столько вопросов в голове.

– Главное то, что те девушки добились своего, – ответила мисс Россер, – он разорвал помолвку, потому что поверил им, а не мне.

– Тогда даже лучше, – мисс Хоггард пожала плечами, – зачем Вам муж, который верит кому угодно, только не Вам.

– Да, я ему сказала то же самое, – согласилась мисс Россер, опуская голову.

– Надеюсь, Вы не кричали на него, – тихо проговорила девушка, и мисс Россер вдруг улыбнулась, пусть совсем не ожидала от себя этого, и мисс Хоггард заметив улыбку, тяжело вздохнув, отложила вилку:

– Тогда не удивлюсь, что на самом деле именно Вы разорвали помолвку.

– Лаурель, – мисс Россер подняла голову и слабо пожала плечами, – только не начинай мне читать нравоучения о сдержанности и покладистости женщин – это не про меня.

– Глэдис, – устало выдохнула мисс Хоггард.

– Он усомнился во мне, и я сообщила, что уезжаю, – ответила мисс Россер, – ты бы его видела! Он абсолютно не сдержан, этим даже похож на моего отца! Сразу в крик, и он чуть собственный кабинет не сжёг!

– Похож на Вашего отца? – с улыбкой переспросила мисс Хоггард.

– Ты бы видела! – согласно кивнула девушка, и ее камеристка улыбнулась еще шире:

– Как думаете, это была Ваша последняя встреча?

– Последняя, больше я к нему в поместье никогда в жизни не поеду, – ответила мисс Россер и отломала большой кусок сдобной булки.

Обед дальше продолжился в тишине, и мисс Россер, совершенно того не желая, вспомнила лицо мужчины. Мистер Уанхард вспоминался ей на улице под лучами летнего солнца, и волосы его приятно блестели, отливая золотом. Она вспомнила веснушки на его лице, делающие его таким приятным и обворожительным, а глаза цвета аквамарина или даже бирюзы напоминали ей воды южных пляжей с голубой прозрачной водой, через которую видно мелькающих маленьких рыбок и мелкий желтый песок на дне.

Воспоминания о мужчине были столь приятными, что она невольно начинала улыбаться, а мисс Хоггард учтиво сделала вид, что ничего не замечает, моля всем Богам о возможности встречи своей хозяйки и этого мужчины вновь. Она не была опытна в любви, но увидев свою вернувшуюся хозяйку и поговорив с ней, поняла, что сердце той осталось в поместье мистера Уанхард. Сама мисс Россер еще не была способна это понять, считая, что лучшим решением был побег в отцовский дом.

После обеда мисс Россер осталась одна и решила провести какое-то время в библиотеке, поняв, какие скучными были ее дни в особняке ее отца. Она села на оббитый серой тканью диван и осмотрела высокие шкафы и полки вокруг себя, еще больше убеждаясь в том, насколько одиноко ей было здесь. Единственным спасением была мисс Хоггард, но они не могли проводить всё время вместе, так как у девушки были свои обязанности, ко всему она очень часто помогала в кухне.

В доме мистера Россер была тишина, тяжелая, неприятная тишина, которая преследовала каждого. Особенно тяжело было Глэдис Россер, которая была оставлена наедине со своими мыслями о мистере Уанхард.

Она пыталась не думать о нем, так как не видела в этом смысла, пусть тот и врывается в ее сознание каждый раз, когда она переставала контролировать себя. Сидя в библиотеке, она все же решила прочитать что-нибудь, что когда-то принадлежало ее матери, и достала одну из книг в красном красивом переплете и золотыми буквами на обложке. В этот момент она вдруг задумалась о том, что ни разу не видела библиотеки в поместье мистера Уанхард. Мисс Россер решила отвлечься и раскрыла книгу, пытаясь погрузиться в чтение, но словно по роковому совпадению одного из персонажей звали Энтином, только в книге он был ему полной противоположностью. В романе он был завистливым купцом с кудрявыми волосами, ревнивец, воспитывающий свою дочь с поражающей жестокостью. Читая описание мужчины, девушка невольно задумалась о своем отце, и сердце ее сжала обида. У мистера Уанхард был любимый ребенок из трех, и выбрал он именно дочь. Наверное, будь у мистера Россер сын, к дочери он бы обращался мягче, но всё это было лишь размышлениями девушки, и, захлопнув книгу, она отложила ее в сторону.

Весь последующий день мисс Россер не видела отца, а тот специально не покидал своего кабинета. Ужинала девушка вместе с мисс Хоггард, понимая, что отец еще долго будет сердиться на неё.

– Уже жалею, что вернулась, – проговорила мисс Россер, когда на стол подавали горячее, – в Вустершире меня ждали к столу, а тут не соизволят почтить своим присутствием.

– Глэдис, поймите своего отца, – говорила мисс Хоггард, стеля салфетку на свою юбку, – он очень расстроен, что Ваша свадьба сорвана, но пройдет время, и мы снова начнем обедать вместе.

– Честно, мисс Хоггард, меня устраивает, что его нет рядом, – говорила мисс Россер, беря в руку вилку и поднимая взгляд на девушку, – будь он рядом, снова бы на меня злился. Наверное, нам лучше порознь, поэтому, я бы хотела уехать отсюда.

– Глэдис, но куда Вы уедете? – спросила мисс Хоггард, явно растерянная и обескураженная. – Вы не замужем, уехать одной и неизвестно куда, было бы неправильным решением. Это может ударить по Вашей репутации!

– Моя репутация утоплена в грязи, Лаурель, – девушка кратко пожала плечами, – чего мне теперь бояться?

– Сжальтесь, мисс Россер, – девушка была в ужасе от слов своей хозяйки и теперь не знала, что делать, – моё сердце сейчас не выдержит! Куда Вы поедете? И с кем? Со мной как со своей камеристкой? А кто-то еще? И куда? Ваш отец будет в ярости!

– Милая моя, – отвечала девушка, слабо улыбаясь, – он и так в ярости практически постоянно, мой отъезд мало что изменит, кроме того, что теперь я буду от него на расстоянии.

– Я Вам не верю, Глэдис, – девушка покачала головой и строго смотрела своей хозяйке в лицо, – Вы не решитесь покинуть отцовский дом. Вы сейчас говорите это намеренно, так как сами злы.

– Боюсь, что я действительно намерена уехать отсюда, но куда, пока что вопрос для меня, – рассказывала мисс Россер, накладывая себе в тарелку запеченный картофель, – я думаю уехать к родителям матери, но они, вероятно, не обрадуются моему приезду. Можно уехать к тётушке Россер в Гилдфорд, и это близко к Лондону.

Но мысль о том, что она может жить где-то, но не в Лондоне, заставило ее сердце саднить. Она не могла представить себе, что когда-нибудь покинет Нерис-Хаус или Лондон вообще. Его шум и суета давали ей сил, но она совершенно не хотела находиться под одной крышей с отцом, которому еще так много наговорила в последний раз.

– Тётушке Россер уже почти семьдесят лет, а после ее смерти дом унаследует её сын, как раз Ваш троюродный брат Габриэль Джон Россер. Если у Вас в планах стать его женой, то этот переезд был бы кстати!

Мисс Хоггард говорила с усмешкой, и мисс Россер сразу это заметила.

– Лучше остаться здесь, чем стать женой непреуспевающего дельца! – с улыбкой ответила мисс Россер. – Ко всему он такой... неинтересный!

– Я помню его приезд в прошлом году, – согласилась мисс Хоггард, – с ним абсолютно не о чем поговорить! Ко всему его матушка воспитала его до ужаса набожным! Помню, как он заставил меня три раза читать Отчий наш, когда я случайно сказала «чёрт» при нем.

– Поэтому к тётушке Россер я не поеду, – Глэдис покачала головой, – но я найду место, где мне будут рады. У меня есть время, я не спешу.

– Время всё расставит по местам, мисс Россер, – отвечала ей девушка, – и, возможно, очень скоро Вы передумаете уезжать.

– Я очень надеюсь, что такого не произойдет, – ответила ей девушка.

После ужина Глэдис решила составить список тех, к кому она могла бы уехать, хотя бы на время. Но словно на зло никто из близких и дальних родственников не жил в Лондоне. Ко всему Глэдис с огорчением поняла, что какой бы большой не была семья Россер, ее отец, не поддерживающий почти ни с кем отношения, ставил их семью особняком от все. Поэтому список получился коротким и по большей части из родственников ее матери, которые жили вне Лондона. Единственные, кого Глэдис рассматривала для переезда, были её дедушка и бабушка, тётушка Россер и двоюродный брат её отца. Последнего Глэдис практически не знала, но очень надеялась, что в случае необходимости родственники ее отца будут готовы её принять. Для

этого сначала нужно было подготовить почву, и девушка решила напомнить о себе скромным письмом, в котором бы поинтересовалась благом родственников. Писать подобные письма, да и без повода, мисс Россер не умела, потому ей понадобилась помощь Сиды.

Он, как и обычно, проводил свои дни возле кабинета мистера Россер, готовый с полуслова понять приказ и моментально его выполнить. Он стоял у самой двери, завернутый в свои черные ткани, из-под которых не было видно ни кусочка его кожи, и прислушивался ко всему, что происходило в кабинете мистера Россер.

Девушка подошла к нему со спины, тихо шурша своими юбками, но мужчина делал вид, словно не замечает её.

– Если бы я плохо тебя знала, Сид, сочла бы, что ты подслушиваешь, – заговорила она, и мужчина медленно к ней обернулся.

– У хозяина сегодня сложный день, мисс, – говорил он сиплым голосом, – я не хочу его расстраивать своим непослушанием, поэтому стою здесь, готовый при необходимости сразу же выполнить приказ.

– У меня есть небольшая просьба, Сид, – продолжила мисс Россер, глядя на слугу, – мне нужно написать письмо мистеру Эдварду Россер, ты можешь мне помочь подобрать слова?

– Зачем Вам, мисс, писать ему письмо? – спросил слуга, показывая свои бесцветные глаза из-под капюшона.

– Я хочу узнать, как дела у наших родственников, – ответила девушка, и слуга неприятно улыбнулся, оголяя подгнившие зубы:

– Мисс Россер намерена уехать, и решила ехать к родственникам отца.

– Тебе об этом откуда знать? – строго спросила девушка и уже хотела схватить мелкого слугу за ухо, но тот отпрыгнул назад.

– И у стен уши есть, мисс, – ответил он и спрятал лицо под капюшоном, стягивая ткань, – здесь все всё знают.

– А от тебя так ничего не скрыть! – строго произнесла мисс Россер и, резким движением сорвав капюшон с головы слуги, заставила его испугаться и забиться в дрожь. Тот смотрел на неё распахнутыми серыми глазами и как мог стягивал ткань, чтобы победить руки своей хозяйки.

– Мисс, мисс, мисс, – испуганно запищал мужчина, – не я Вас подслушивал!

– А кто? – строго спросила мисс Россер, глядя прямо в перепуганное лицо.

– Это была служанка, что подавала сегодня ужин, мисс, – отвечал Сид, – она разнесла слухи!

С силой девушка отпустила мужчину, оттолкнув от себя, и тот, кое-как устояв на ногах, натянул свой капюшон обратно на голову.

– Нельзя, чтобы эта информация дошла до отца, – говорила мисс Россер, и мужчина кратко кивнул в ответ:

– Как Вы скажете, мисс. Ваш отец ничего не узнает, пока Вы сами не скажете ему!

– И я спрашиваю тебя, Сид, ты сможешь написать письмо? – так же строго спросила девушка, и слуга, помявшись на месте, всё же согласился.

Сид попал в дом семьи Россер случайно, и эта случайность спасла ему жизнь. Однажды дедушка мисс Глэдис Россер ездил во Францию, где заметил прислугу для своего друга в поместье. Она была скромна, небольшого роста и приятна внешне. Мистер Россер выкупил её и, несмотря на то, что девушка практически не разговаривала на английском, увёз её в Лондон в виде подарка для своего старого знакомого.

Это была Франческа Бочини, и она была дочерью разорившегося купца, занимающегося поставкой тканей из Персии, но рассказала она об этом, только будучи официально принятой на работу. Девушка, будучи оставленной без наследства, понимала, что единственный шанс не погибнуть в нищете – работать и жить в поместье какого-либо уважаемого джентльмена.

Мистер Россер был слишком доволен столь удивительной покупкой, что решил оставить прислугу себе, и мисс Бочини стала личной служгой мужчины и компаньоном, до того периода времени пока в мисс Бочини не влюбился один из юношей светского общества, который часто бывал в доме мистера Россер. Он был высок, улыбчив и столь обаятелен, что почти каждая девушка Лондона мечтала выйти за него замуж. Одну из таких дам с наследством выбрали ему в жены родители, но он был очарован скромностью и кроткостью мисс Бочини. Он предложил девушке сбежать, в тайне от всех пожениться и никогда не возвращаться в Англию. Мисс Бочини была ослеплена чувствами к мужчине и согласилась. Однажды в пасмурное летнее утро, когда ещё солнце не успело полностью появиться из-за горизонта, мисс Бочини и её возлюбленный сбежали. Мистер Россер очень беспокоился за неё и даже объявил розыск девушки, но мисс Бочини так и не нашли. Прошло долгих десять лет, и мистер Россер навсегда потерял надежду на то, что его слуга и близкий друг вернётся в дом. Удивительно, что не свойственно мужчинам этой семьи, он был готов её простить и тот урон, что она нанесла репутации своего хозяина, так как понимал жар юного девичьего сердца. В пятнадцатую весну с момента побега мисс Бочини все же вернулась в дом мистера Россер, и она оказалась беременной.

Сид родился через пару дней в сложных родах, в которых мисс Бочини умерла, а сам ребенок родился больным. Женщина ничего не говорила о своем решении побега и ничего не рассказывала об этих пятнадцати годах, никто и не спрашивал её, боясь потревожить больную рану. Так как Сид родился в семье двух уважаемых родов, мистер Россер дал ему имя. Его звали Себастьян Итан с фамилией Даблдэй по отцу, но так как это обращение было длинным и слишком официальным для неказистого слуги, мистер Россер кратко называл его Сид. Мужчина так привык к этому прозвищу, что сам забыл, что является членом семьи и частью рода Даблдэй, а Глэдис Россер даже не знала его историю.

Маленькое неказистое существо с белой тонкой кожей, куталось в черную ткань и смотрело снизу-вверх на девушку.

– Я помогу Вам написать письмо, но прошу Вас, мисс, не совершайте необдуманных поступков, – говорил он, – отец Ваш будет в ярости, если Вы покинете этот дом без его на это согласия.

– Мне всё равно, Сид, – ответила мисс Россер, – пусть злится.

Мужчина поправил свой капюшон, чтоб под ним его не было видно, и вместе они направились в покои девушки.

Нерис-Хаус был сердцем в груди у Глэдис, и ей совершенно не хотелось его покидать. Белые стены хранили в себе память о ее матери, и все вокруг пахло ею, но сейчас она вся сгорала от обиды, злости на отца и от чувства вины перед ним, что стала жертвой клеветы и была так не сдержанна в разговоре с ним.

Письмо получилось длинным, так как самой девушке много что хотелось рассказать, но при этом она так и не смогла сказать, как сильно ей хочется уехать из особняка Нерис-Хаус. Солнечный свет падал на её светлое лицо через широкое окно, и ей открывался вид на любимый Лондон, который казался ей лучшим место на Земле и её родным домом, где её ждали теплые руки матери, откуда бы она не возвращалась. Теперь этот дом был тюрьмой, где главенствовал ее жестокий отец. И мисс Россер с горечью понимала, как завидует сестре, которая живет так далеко от него. Она, вероятно, не писала письма в Лондон, ей некому было писать, даже Глэдис после отъезда она не написала ни одного письма.

– Ваш отец строг порой, мисс, – говорил Сид, – но он просто очень несчастен.

– Он был таким всегда, даже когда мама очень старалась, чтобы он был счастлив, – ответила девушка и решила напоследок прочесть написанное письмо.

"Здравствуйте, мистер Эдвард Россер,

Я рада писать Вам письмо. Мы очень давно не вели с Вами переписки, и Вам, вероятно, сложно припомнить, в каком родстве приходится Вам Глэдис Россер. Дабы не обречь Вас

на мучительные воспоминания, я сообщу сама. Я дочь Вашего двоюродного брата мистера Дамиона Россер. Мне приятно сообщить Вам, что в этом году мне исполнилось уже девятнадцать лет, а мой отец настоятельно рекомендует мне найти супруга. В этом году, пусть мне и не совсем была в радость его идея, я ездила в поместье мистера Уанхард, который известен в Англии как случайно и быстро разбогатевший джентльмен из Шотландии из дворянского, но малоизвестного рода. Если слухи добрались до Лондона быстрее чем я, то Вам известно, почему он не стал мне мужем. Отец сильно злится на меня. В стенах этого дома, по его мнению, мне места нет. Он мечтает удачно выдать меня замуж, и спокойно доживать свой век в одиночестве, окружённый верными прислугами. Он очень переживает из-за репутации рода, но не Вам ли знать, что переживать из-за неё незачем, так как её просто нет. Я пытаюсь держаться в обществе достойно, в какой-то степени, моя внешность помогает мне, чтоб нашу фамилию произносили с придыханием, но былого величия род Россер не вернёт никогда. Отец, вероятно, понимает это, и хочет выдать меня замуж как можно скорее, пока люди, знакомясь со мной, думают о моей молодости и красоте, а потом уже об истории моего рода.

Началась осень, в Лондоне это еще не так чувствуется, но в поместье мистера Уанхард, когда я уезжала, уже поникли все цветы. У этого джентльмена прекрасный розарий, но даже он оказался не защищён от природы. В последнюю ночь там шёл такой дождь, что все лепестки опали. Я была расстроена, так как пока я была в поместье, меня поражали эти цветы своей красотой и объёмом бутонов. Красные, яркие, сочные. А какие жаркие дни выпали на мой приезд, словно лето решило попрощаться солнечными деньками! Если бы мы расстались с мистером Уанхард друзьями, я бы обязательно почтила бы его поместье визитом вновь. У него огромные территории и сама усадьба выстроена из светлого камня, имеются даже две оборонительные башни, словно это небольшой замок какого-нибудь короля. Мистер Уанхард оказался очень приятным молодым человеком, и, возможно, отец был бы рад, если бы именно он стал моим мужем. На самом деле от этой поездки у меня осталось множество эмоций! И я рада, что я смогла поделиться ими с Вами. Наверное, мое письмо слишком наивно и неуместно подробно, но в этом доме мне совершенно не с кем поговорить по душам и доверить свой внутренний мир. После моего возвращения отец игнорирует меня и избегает любой возможности контакта. Так неприятна я ему, так омерзительна из-за того, что до сих пор не вышла замуж, и, по его мнению, репутация нашего рода страдает именно из-за меня.

Простите меня, мистер Эдвард Россер, если мое письмо покажется Вам неприлично откровенным, но мне очень хотелось выговориться хоть кому-то.

С уважением Ваша двоюродная племянница Глэдис Россер».

Почти всё письмо девушка написала сама, иногда слушая корректировку своего слуги. Где-то извинения за свою прямоту она писала именно по просьбе Сида. Ей письмо казалось несуразным, и, вероятно, прочти его мистер Россер, сказал бы дочери, что она слишком откровенна. Глэдис была бы полностью с этим согласна, так как она совершенно не умела писать письма.

– Мне бы очень хотелось, чтобы он все же предложил мне переезд, хотя бы временный, – выдохнула девушка и запечатала письмо.

– Не тешьте себя ложными надеждами, мисс, – сильным голосом ответил ей мужчина, показывая из-под чёрной ткани свои тонкие белые пальцы, которые потянул к письму, – мистер Эдвард Россер, как и большая часть Вашего рода, не станет конфликтовать с Вашим отцом.

– Отправь, пожалуйста, письмо молча, – ответила девушка и всё же отдала мужчине конверт, – надеяться ничто мне не мешает, а если все же переезд мне не предложат, я найду другой выход.

Сид поклонился и покинул покои девушки, оставив её в полном одиночестве. В комнате было тихо, а на горизонте стал собираться закат. Кончался её первый день в родном доме, а ей казалось, словно она здесь уже целую вечность. Она осталась за столом, рассматривая улицу

через окно сквозь белые занавески. Ей вспоминалось светлое и спокойное поместье мистера Уанхард. Роцца, где они прогуливались однажды и красота полей его территорий, а за окном она видела пыльный и замученный суетой город, столицу Англии, наполненную разномастными людьми, громкой речью, топотом лошадей, шумом повозок, а вечером ко всему подключалась музыка и смех, и в центре города просыпались залы, на которых днем висел большой плакат «Танцы». Она никогда не была в таких местах, и она надеялась, что, если она сможет переехать к своему двоюродному дяде, тот позволит ей ходить на городские балы, в театр и музеи.

Тишина комнаты была нарушена резким порывом ветра в окно, стекло задребезжало, и мисс Россер испуганно дёрнулась, поднимаясь из-за стола.

Её спальня прогрелась от горящего камина, что мистер Джонс разжег ещё утром. Влажности практически не чувствовалось, и мисс Россер, понимая, что в этом доме ей совершенно нечем заняться, решила лечь отдохнуть. Она вытащила из волос заколку и разрешила им рассыпаться по плечам черными реками. Её волосы были густыми и тяжёлыми, блестящими на солнце и вызывающими зависть у многих дам Англии. Какой восторг и трепет вызывала она у противоположного пола, поэтому ей было так сложно поверить в то, что до сих пор никто не пришёл в их дом свататься.

– Наверное, красота только добавляет проблем, – сказала вслух девушка, вглядываясь в свое отражение, и вдруг позади себя она услышала движение.

Испугано обернувшись, а ей казалось, что сердце ее готово выскочить из груди, она стала ждать, когда в приоткрытые двери её спальни кто-нибудь войдёт.

Облегчение, словно тяжёлый груз упал с её души, позволило ей вновь начать дышать, так как в комнате окрашенной багровыми красками из-за яркого заката на горизонте, вошла уставшая за день и явно чем-то расстроенная мисс Хоггард.

– Простите меня, Глэдис, что напугала Вас, – проговорила она, видя, как её хозяйка переводит дух.

– Да, видимо я не расслышала, как ты стучала, – ответила мисс Россер и, взяв расчёску косметического столика, зеркало которого отражало в себе почти всю спальню, принялась расчёсывать свои волосы.

– Вы решили отдохнуть? – удивилась пришедшая девушка. – Время еще раннее. Только закат. Засыпать в это время вредно для Вашей кожи.

– Меня не пугает старость, – холодно ответила мисс Россер, и мисс Хоггард удивлённо приподняла бровь, но решила проигнорировать слова хозяйки, меняя тему на действительно её интересующую:

– По дому идут слухи, что Вы всё же намерены покинуть особняк. Вы даже написали письмо своему дяде.

– Лаурель, – устало выдохнула мисс Россер, глядя на свою камеристку, – я Вам уже говорила, что намерения мои серьёзны.

– Неужели Вас не беспокоит репутация отца? – мисс Хоггард смотрела прямо в лицо хозяйке, не испытывая при этом никакого дискомфорта. Она смотрела на неё как на равную.

– Лаурель, – строго проговорила Глэдис, – я что-то говорила по поводу нравоучений! Когда ты успела стать моей гувернанткой, чтобы чему-то меня учить? А если тебе так хочется заполучить новую должность, я могу подыскать тебе её. Прачки, например!

Мисс Хоггард растерялась от слов хозяйки, ко всему в её душе они отразились такой болью и обидой, что той пришлось приложить максимум усилий, чтобы не позволить слезам навернуться на её глазах. Мисс Россер понимала грубость своих слов, учитывая, что мисс Хоггард не заслужила столь неуважительное отношение, но Глэдис настолько была обеспокоена тем, что вынуждена жить в доме отца, что самой несчастной на свете считала себя.

– Тогда я займусь своими прямыми обязанностями и приготовлю Вас ко сну, мисс, – ответила мисс Хоггард.

Она помогла своей хозяйке распустить корсет и снять платье, убрала всё в туалет и подготовила к завтрашнему утру. Расстелила постель и помогла мисс с тяжёлым одеялом. В самую последнюю секунду, когда тонкая рука мисс Хоггард отпускающая поправленное одеяло, её пальцы перехватила мисс Россер своими холодными руками.

– Прости меня, Лаурель, – говорила она, глядя девушке в лицо, – я понимаю, что ты права, но я не могу это признать.

– Я знаю, Глэдис, – мисс Хоггард улыбнулась, – Вы ведь так похожи на своего отца.

Глэдис с облегчением выдохнула и произнесла:

– Вот и славно, что ты не обижаешься, просто я так переживаю из-за всего этого, что не могу найти себе места!

– Почему бы Вам не написать письмо мистеру Уанхард? – вдруг спросила мисс Хоггард.

– Зачем же мне ему писать? – спросила Глэдис с усмешкой.

– Сообщить, как у Вас дела в Лондоне, узнать, как дела у него, – ответила мисс Хоггард.

– Это будет страшной глупостью, – ответила мисс Россер, морщась, – меня выставили за порог и расторгли помолвку! Мистеру Уанхард мне лучше никогда не писать. Ко всему он и не ждет от меня писем, он ведь считает, что у меня есть любовник в Лондоне!

Глэдис все так же держала мисс Хоггард за руку, и та была вынуждена присесть на край кровати.

– Может стоит с ним поговорить по душам? – мисс Хоггард пожала плечами. – Рассказать ему, как обстояли дела. Вы ведь такая гордая, что не стали ничего ему объяснять тогда!

– Не стану я ничего ему объяснять, – с холодом ответила Глэдис, сдвинув на переносице бровями, – он же совершенно не хочет меня слушать, ведь он же не поверил мне прошлый раз.

– Напишите ему хоть что-нибудь, Глэдис, – попросила мисс Хоггард, и девушка тяжело вздохнула:

– Хорошо, ты уговорила меня, – мисс Россер отпустила руку девушки, – завтра утром я и ему напишу письмо.

– Только любезное, мисс, – Лаурель улыбнулась, – не надо агрессивировать друг на друга, а то слухи про Вас никогда не прекратятся.

Мисс Россер смотрела на свою камеристку, не отрывая глаз, а потом всё же подняла голову с подушки глядя в бледные глаза девушки. Та, не растерявшись, так же смотрела в глаза мисс Россер, пытаясь понять её мысли.

– Про меня и здесь ходят слухи, – проговорила мисс Россер, – пусть я и надеялась на честность и верность Сида.

– Вы неправильно всё поняли, Глэдис, – девушка покачала головой, – Сид обратился к нам всем, дав ясно понять, чтобы мы не смели доносить на Вас Вашему отцу о Вашем намерении покинуть родной дом, и когда все разошлись, я лично к нему обратилась, и он мне сообщил о письме мистеру Эдварду Россер.

– Я передумала, Лаурель, – вдруг произнесла Глэдис, – я хочу написать письмо прямо сейчас, пока ты не занята дополнительной работой по дому, – ответила девушка и стала скидывать с себя тяжелое одеяло, пытаясь встать. Камеристка ей заботливо помогла, и мисс Россер встала босыми ногами на холодный выложенный паркетом пол.

– Вы хотите моей помощи? – спросила мисс Хоггард, наблюдая, как девушка прошла к письменному столу и достала бумагу, перьевую ручку, украшенную большим белым пером и чернила.

– Боюсь, я не смогу не агрессивировать, поэтому подсказки, что мне писать, – ответила мисс Россер и макнула перо в чернила.

– Но я не знаю уровень Ваших взаимоотношений, – ответила мисс Хоггард, проходя к письменному столу и глядя на девушку, – Вы ведь даже не сказали мне, нравится ли он Вам.

– А это что-то меняет? – спросила мисс Россер, глядя на свою камеристку.

– Если бы он знал, что у Вас к нему чувства, ему было бы легче поверить, что у Вас нет чувств к кому-то другому в Лондоне, – ответила мисс Хоггард.

В комнате становилось темнее, последние кроваво-красные лучи умирающего на горизонте солнца кинулись на светлые стены спальни мисс Россер, скользили по ее светлому лицу, искря в зеленых глазах, утонули в чернильнице, придав чернилам багровый оттенок, и медленно сползали вниз, оставляя за собой ночную темноту. Белые занавески легко качались от ветра, проникающего в комнату сквозь щели деревянных окон, а на улицах Лондона становилось всё меньше людей, зажигали огни, которые как ночные стражи не позволяли прокрасться тьме на мощенные улицы города.

– У меня нет никаких чувств к мистеру Уанхард, – ответила мисс Россер, переведя взгляд в окно, – меня оскорбило его неверие, потому что он сам сказал, что верить им – дело последнее.

– Хорошо, – ответила мисс Хоггард, – тогда пишите...

«Приветствую Вас, мистер Уанхард, (тут мисс Хоггард замолчала, подбирая слова, и мисс Россер отняла руку от бумаги),

Я спешу сообщить Вам, что я прибыла в родной дом моего отца...»

– Постой, Лаурель, по-моему, я знаю, что нужно написать, – остановила ее мисс Россер.

– Очень хорошо, – ответила девушка.

«Приветствую Вас, мистер Уанхард,

Я уже целый день в родном доме, и мой отец намеренно избегает меня. Он остался крайне недоволен тем, что наша помолвка была расторгнута, и свадьба отменена, обвинив меня в крушении репутации нашего рода. Не хочу обременять Вас своими душевными муками, но отец очень зол на меня. Я пишу Вам узнать, как Ваши отношения с отцом? Я помню, что мы с Вами жертвы жестокого воспитания, потому я переживаю, что Вы сейчас проходите через те же мучения. Настаивает ли он и сейчас на выборе невесты или дал Вам время? Мой отец не сказал мне еще ничего конкретного по этому поводу, поэтому я оставлена со своими переживаниями один на один. Или, возможно, невесту Вы уже выбрали и готовитесь к свадьбе? Вы могли бы подумать, что я пишу это письмо Вам из любопытства, так как обычно всегда мотивируюсь именно этим чувством, но я действительно очень переживаю за Вас. Мне бы не хотелось, чтобы из-за слухов обо мне, Ваш наказал Вас отец.

С искренним сочувствием, мисс Глэдис Россер».

Девушка поставила точку и подала лист пергамента своей камеристке, которая, с легким недоверием глянув на хозяйку, приняла перечитывать написанный текст. Она читала письмо внимательно, и несмотря на то, что оно очень короткое, достаточно долго, чтобы заставить мисс Россер беспокоиться. А затем она перечитала его, но уже быстрее, и посмотрела своей хозяйке в лицо.

– Написано очень искренне, – ответила ей мисс Хоггард, – гораздо лучше, чем если бы я решала, что Вам ему написать. У него жестокий отец? У Вас, похоже, одинаковые душевные раны. Вы подходите друг другу как пазл, редко такое бывает. Может мистер Уанхард дан Вам судьбой?

– Судьбой? – девушка усмехнулась, забирая письмо обратно. – Лаурель, ты веришь в судьбу? Да и какая судьба? Если бы отец не настоял, я бы никогда в жизни не поехала в Вустершир.

– Господь Бог решает с кем на этой земле нам быть счастливыми, и похоже мистер Уанхард дан Вам им, – тихо ответила девушка, глядя в лицо своей хозяйке.

– Совершенно не похоже, – отрезала мисс Россер, вкладывая бумагу в конверт и запечатывая его, – ко всему он джентльмен, вся Англия знает его доброе имя, а я девушка из семьи с опороченной репутацией.

– Вы слишком категоричны к себе, – заметила мисс Хоггард.

– Ты не права, – мисс Россер покачала головой, опуская взгляд, – я дурно знаю этикет, или порой просто его не соблюдаю из-за своей горячей головы. Иногда я забываю здороваться с людьми, потому что я вся в своих мыслях. Я бываю груба и не сдержанна. Ни одна репутация не выдержит такого!

– Вы уверены, что всё действительно так? – спросила мисс Хоггард.

– Да, ведь даже при первой встрече я не поздоровалась с мистером Уанхард, я сразу обратилась к нему с неудобным вопросом. Он растерялся! – девушка не смогла сдержать улыбку от воспоминаний. – Девушки, что распускали про меня слухи, очень были недовольны моим поведением в тот раз.

Мисс Хоггард молча смотрела на свою хозяйку, подбирая слова, а потом всё же заговорила:

– Но он выбрал именно Вас, значит, его Ваша бестактность устраивает, – и она протянула руку, в которую мисс Россер вложила письмо, – я отправлю его завтра утром, когда придет почтальон.

– Спасибо большое, Лаурель, – ответила мисс Россер, поднимаясь из-за стола, – надеюсь, он напишет мне столь же добродушный ответ. Я очень переживаю, что мое письмо он сочтёт дурным тоном или даже оскорбительным!

Мисс Хоггард слабо улыбнулась, глядя на девушку, и на её щеках образовались две неглубокие ямочки.

– Мне кажется, он будет даже рад получить от Вас письмо. Он может быть не покажет это, но будет рад, – ответила девушка.

– Лаурель, мне всё равно будет он рад или нет, мне бы хотелось, чтобы он просто не пытался снова сжечь свой кабинет, – ответила мисс Россер, и мисс Хоггард понимающе кивнула, направилась к выходу из спальни:

– Теперь я могу Вас оставить? – спросила она, оборачиваясь к хозяйке.

– Да, Лаурель, я буду пытаться отдохнуть, – ответила мисс Россер и направилась обратно к своей кровати, – спасибо большое за поддержку.

– Очень надеюсь, что, когда мое сердце будет так же сходить с ума, я получу поддержку от Вас, – ответила мисс Хоггард, и прежде чем мисс Россер поняла, что недовольна словами своей камеристки и собиралась ответить что-нибудь грубое, она вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

Пол был холодным, и мисс Россер почувствовала, как мерзнут ее ноги. Онемели пальцы, и она поспешила забраться на кровать, пряча ноги под одеяло. В гостиной еще горел камин, и она знала, что ближе к ночи, его потушит прислуга, чтобы случайно не произошел пожар. Солнце уже полностью покинуло комнату девушки, когда она улеглась на огромную перьевую подушку и укрыла себя тяжелым одеялом. Воздух был теплым, вновь набирающим влагу. Ветер за окном тащил с горизонта тяжелые грозовые тучи, и мисс Россер понимала, что утро её встретит с дождем. Поправив ночную сорочку, она легла на бок и посмотрела в темноту на опоры кровати, с которых свисал раздвинутый и завязанный ленточками балдахин. Она увидела свое движение, отражающееся в зеркале с золотой рамой, и немного испугалась. Спать девушке не хотелось, испытывая страшный дискомфорт, она очень хотела, чтобы утро наступило как можно скорее. Откуда-то с улицы доносился собачий лай и разговоры прислуги, что зажигали огни в фонарях, освещавших территорию дома. И улыбаясь мыслям, мисс Россер думала о том, как сейчас на Риджент-стрит играет музыка и горят свечи, люди танцуют и смеются. И девушки, её ровесницы, сейчас наслаждаются общением с молодыми людьми, покрасневшими из-за вина и рассыпающими комплименты. Где-то кто-то сейчас наслаждается жизнью, а мисс Россер лежит в постели, зная, что отец ни за что и никогда не отпустил бы её на общественный бал, боясь, что присутствие его дочери там может ударить по репутации семьи.

Она догадывалась, что сейчас там девушки, дочери многих знакомых ее отца. Обида и зависть была ей в грудь, и она, сжав одеяло в кулаках, думала о том, как было бы замечательно оказаться сейчас среди них. Она знала, что произвела бы фурор, явись на бал. Джентльмены, к вниманию которых привыкли девушки, непременно обратили бы внимание на мисс Россер, и забыли бы обо всем на свете, любуясь ею. Мисс Россер находила недостатки в своей внешности, их находили и другие девушки, но мужчины считали её английским созданием невероятной красоты. Они любили её глаза и губы, тёмные волосы блестящей волной и руки, хрупкие, нежные. Им хотелось отдать ей всё до крупицы, всё, что они имели, и это льстило ей, заставляя чувствовать собственную власть над их рассудком. Мисс Россер понимала, что и мистер Уанхард стал пленником её чар, но при этом её оскорбляло то, каким удивительным образом он смог этим чарам противостоять и отказаться от помолвки с ней. Любой мужчина был готов отдать всё что угодно ради её руки, лишь бы каждый день любоваться чертами её лица, но мистер Уанхард оказался не таким как все, так легко её отпустив. Мисс Россер представляла, как она выходит замуж за другого джентльмена, намеренно пригласив мистера Уанхард, в надежде заставить его пожалеть о том, что столь прекрасная невеста досталась не ему, и что он сам упустил её, поверив в гнусные слухи. От этой мысли сердце её ликовало, а на лице растянулась злая улыбка, но при этом ей было так больно и обидно, что ей предстоит связать свою жизнь с кем-то другим, а не с мистером Уанхард. Мисс Россер не позволяла себе признаться, что она испытывает чувства к Энтину, но при этом с каждым днём всё лучше понимала, как на самом деле он стал ей дорог.

Рассматривая свою спальню в темноте, она легла на спину, в надежде, что усталость возьмет свое, и она, наконец-то, сможет уснуть. Эмоции не позволяли ей расслабиться и уснуть, а в голове всплыл мерзкий образ мисс Вуд. Её розовое платье и рыжие волосы, поросычье лицо и скверный характер. Зависть девушки, породившая столько проблем, злила мисс Россер, и она, почувствовав, что эмоции вот-вот вырвутся наружу, рывком поднялась с подушки.

– Чёртова мисс Вуд, – вслух произнесла девушка, зажимая голову руками, – чертов мистер Уанхард!

Откинув одеяло, девушка поднялась с кровати и прошла по комнате, восстанавливая дыхание. Внутри неё зародился такой пожар, что ей хотелось выскочить из усадьбы, крикнуть мистера Джонса, чтобы ей подали лошадь, и верхом доехать до поместья мистера Уанхард, чтобы позволить своим эмоциям вылиться праведным гневом в адрес мисс Вуд и мистера Уанхард.

Мисс Россер представляла их вместе, понимая, что именно это было целью мисс Вуд, а прямой конкуренткой была мисс Россер. Раз теперь последняя в доме отца, можно предположить, что женится мистер Уанхард именно на мисс Вуд. От этого в груди девушки всё горело с такой силой, что она хотела рушить свою комнату, выплескивая эмоции на невиновные книги и мебель, но пыталась себя сдерживать, понимая, что эмоции её может услышать отец. Вновь конфликтовать с ним девушке совершенно не хотелось, потому она как могла держала себя в руках.

Плакать ей не хотелось, пусть это был оптимальный вариант излить свои эмоции. Она прошла по комнате обратно до кровати, и в попытке успокоиться закрыла глаза и стала прислушиваться к своему дыханию.

– Чертова мисс Вуд, – вновь произнесла девушка и зажмурилась, пытаясь ровно дышать, – когда я встречу её в следующий раз, я её придушу!

Наконец, она все же вернулась в постель и попыталась уснуть под эти мысли, так как они были ей приятны. Так и не поняв, на какой именно мысли она уснула, но точно знала, что они были очень далеко от поместья мистера Уанхард.

Глава 5. Вор неукротимого сердца

На следующий день, как и предполагала мисс Россер, шел дождь. Лондон опустился во мрак и холод, и во всем доме топили камины в попытке выгнать из его стен сырость и промозглость. Сама мисс Россер одела одно из своих теплых платьев и поверх укрыла плечи и спину теплым платком.

Почтальон пришел как обычно, словно для него не существовало непогоды, и мисс Хоггард отдала ему письмо для мистера Уанхард. Мисс Россер наблюдала это из окна столовой, ловя себя на мысли, что она с нетерпением ждет ответа. В этот день отец девушки все же решил присоединиться к трапезам, но ел он молча, отчего девушки испытывали дискомфорт и не могли завести разговор между собой.

Погода была мерзкой. Капли дождя стучали по металлической крыше и водостоку, где-то на третьем этаже была течь, и прислуга отнесли туда тряпки и тазы, поэтому по звуку казалось, словно дождь идет где-то у озера. Мисс Хоггард помогала по дому и мало времени проводила с хозяйкой, а та ушла в единственное помещение без окон, чтобы не видеть тумана и капель дождя, стекающих по стеклу. Она сидела в небольшой комнате, где когда-то было окно, но теперь оно было заложено кирпичом, а сама комната изнутри выглядела так, словно ничего не поменялось. Здесь в свое время миссис Россер чинила одежду своей прислуги, и именно здесь она сшила Сиду его черный балахон, видя, как мужчина стесняется взглядов в свою сторону. Девушка расположилась в кресле, оббитом розовой тканью и сидела при зажжённых в люстре свечах, перебирая ткани, покрытые пылью в шкафах и материнские зарисовки моделей платьев. Она просидела там большую часть дня, даже не заметив, как на улице начало темнеть, и прекратился дождь.

День сменялся днем, и мисс Россер ждала ответы на свои письма. Отец все еще не разговаривал с ней, но теперь для девушки это было не важно. Игнорируя угрюмый вид мужчины, за столом она обращалась к мисс Хоггард, а та, бросая взгляд в сторону хозяина дома, неуверенно и коротко отвечала. Все боялись мистера Россер, но его дочь всё сильнее убеждалась в том, что ей бояться нечего, и очень скоро она покинет его дом.

Девушка ждала письма от двоюродного дядюшки Эдварда Россер, но она никак не могла представить, что он решит лично посетить её. Однажды в середине дня, когда на улице сияло солнце, и казалось осень отступила, у центральных дверей появился высокий привлекательный мужчина лет тридцати. Мистер Джонс поспешил ему открыться, и послал сообщить мистеру Россер, что прибыл его двоюродный брат.

Глэдис Россер смотрела на него во все глаза, не веря, что в их семье может быть кто-то столь приятный и располагающий только одной своей внешностью. Что удивляло её особенно сильно, что это её родственник со стороны отца.

– Где же моя племянница? – спросил он, проходя в гостиную первого этажа и оглядываясь вокруг. Хозяин дома, сведя брови, и явно недовольный визитом родственника, следовал за ним, сжимая в руках бокал тамблер с виски.

– Вас, Эдвард, интересует моя дочь? – спросил мужчина, явно удивленный.

Сама Глэдис в этот момент стояла в коридоре у двери, подслушивая разговор. Больше всего она боялась, что её дядя расскажет мужчине содержание письма, так как она боялась вновь попасть под горячую руку отца.

– Да, Глэдис, – ответил мужчина, глядя на горящее пламя в камине. – Я вдруг задумался о том, в какой удивительном родстве я состою. Её мать была из семьи Уинн. Очень приятные люди, однажды они меня выручили из очень гнилого дела. Ко всему, если меня не подводит память, в этом году ей исполнилось девятнадцать. Ей пора выходить замуж, а она дох пор живет в Вашем доме.

– Не будь она упряма, горда и легкомысленна, была бы уже замужем, – отвечал хозяин дома, и они вместе сели на диван, – Вы будете виски?

– Нет, я не предпочитаю столь крепкие напитки, – ответил Эдвард с улыбкой, легко качнув головой, – а по Вашим словам, она очень похожа на Вас.

– Именно, за что я бываю периодически очень на неё зол, – ответил мистер Россер, делая большой глоток из бокала, – она попала в ужасную ситуацию, и даже не знаю, кто был в ней действительно виноват. Это пройдоха мистер Уанхард, который посмел сначала выбрать мою дочь в невесты, а потом столь жестоко поступить, или девушки, которые так усердно распускают про неё слухи, что после её приезда, весь день я потратил на то, чтобы написать ответные письма всем знакомым, которые крайне обеспокоены положением вещей в моей семье. Я не хочу, чтобы из-за каких-то бессовестных девчонок из провинции страдала моя репутация!

Голос мужчины был низок и груб, словно он говорил, выдыхая в широкую трубу. Его дочь, прижавшись к стене продолжала слушать их разговор, совершенно не веря собственным ушам. Её отец не только знал всю ситуацию досконально, но и понимал, что вины его дочери там нет.

– Я думаю, она сама очень переживает из-за сложившейся ситуации. Любой девушке сложно пережить такое, и мне кажется, Глэдис сильно расстроена, что всё сложилось именно так. Поймите меня, Дамион, Ваша дочь написала мне письмо, – в этот момент у девушки перехватило дыхание, – в нем столько переживаний, и ей некому довериться. Когда-то у девушки была мать, но теперь же она совершенно одна, ведь даже старшая сестра так далеко от неё. Вы разговаривали с ней о том, что ей пришлось пережить?

– Эдвард, – мужчина прокашлялся, – она написала Вам письмо?

– Да, Дамион, где почти умоляла её услышать, – ответил мужчина, и девушка поняла, что мужчина уже привязал к её шее камень и бросил в воду, и теперь её тело верно тянет ко дну.

– Что же она Вам такого написала, что Вы, Эдвард, решили нас почтить визитом, а не написать мне письмо? – спросил очень строго хозяин дома, и мужчина с улыбкой смущенно ему ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.